

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ™

ЛЕСТНИЦА В ЭДЕМ



ХУЛИГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ!

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец
Лестница в Эдем

«Емец Д. А.»

2008

Емец Д. А.

Лестница в Эдем / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2008 — (Мефодий Буслаев)

Мефодий Буслаев больше не служит мраку. И теперь Лигул вправе передать его меч другому. Он нашел клинку Древнира нового хозяина. Это щеголь и красавчик из Тартара Гопзий Руриус Третий. Но Меф не желает расставаться с мечом. Есть ли способ его сохранить? Арея уверен, что есть. Сразиться на дуэли с Гопзием. По слухам тот – четвертый клинок мрака. У Мефа всего месяц на подготовку. Но Буслаев еще не знает, какую ловушку готовят ему Лигул и Гопзий. Ведь бывший меч Древнира – артефакт переменной силы. Бывают дни, когда силы меча иссякают. В момент дуэли сил в клинке Мефа будет меньше, чем в любой музейной железке!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Емец Мефодий буслаев Лестница в Эдем

Свет одаривает по внутреннему смирению, по мудрости, терпению, по способности к самопожертвованию. Он не приходит как тать в ночи и не крадет. Он не покупает себе союзников за должности и услуги. Он дает человеку ровно столько, сколько ему действительно нужно, и горе, если человеку кажется, что ему нужно больше.

Если бы свет вошел в соперничество с мраком, задабривая, лукавя, обещая, перекупая, разбрасывая деньги, он играл бы чужими картами. Он перечеркнул бы сам себя. Почти всякий ребенок знает, куда на самом деле ведет незнакомый дядя, обещающий подарить гоночную машину. Но вот взрослые об этом почему-то забывают.

Троил. «Как выжить златокрылому в человеческом мире»

Глава 1 «1очка»

То, что ты прекратил бороться с мраком, не означает, что мрак перестал бороться с тобой.

То, что ты перестал верить в свет, не означает, что свет перестал верить в тебя.

Троил

Таамаг взяла грецкий орех и с треском раздавила между большим и указательным пальцами.

– Ну наконец-то хоть один не гнилой! Вернуться бы и набить морду продавцу! Знал же, собака, но ни гугу, – сказала она мечтательно.

– Думаешь, продавец сам решает, чем ему торговать? Его хозяин ставит, – миролюбиво заметила Хаара.

Таамаг решила проблему просто.

– Ну так за чем дело стало? И хозяину! А если хозяин отмажется, что покупал их на базе, то не полениться и сходить туда. Если не бить морду всем по цепочке, виноватых вообще не окажется, потому что среди людей крайних нет по определению. Каждого кто-то заставил. Один он святой, только нимб дома забыл.

– С таким подходом через три часа окажется, что ты должна с пулеметом ходить по улицам и отстреливать всех подряд, – усомнилась Хаара.

– Настоящая валькирия не ищет легких путей! – с чувством сказала Таамаг, протягивая руку за новым орехом.

Хрусь!

Заинтересовавшись возможностью давить орехи пальцами, любопытный оруженосец Бэтлы попытался повторить тот же фокус, но, с минуту попыхтев, сделал вид, что ему больше нравится разглядывать скорлупу.

– Дохляк! Настоящий мужчина должен рвать железо зубами! – презрительно уронила Таамаг.

– А почему железо-то? – обиженно спросил оруженосец.

– Для гемоглобина, – предположила Хола, помешанная на правильном питании.

Таамаг презрительно посмотрела на нее. Она считала за людей тех, кого могла убить одним ударом кулака.

– Что ты знаешь о жизни, красотка? Папочка и мамочка сдували с тебя пылинки и вызывали реанимобиль, если йогурт, который ты выпила, оказывался просроченным на десять минут. А меня в детстве сестры приматывали веревкой к креслу. Эти конченые истерички считали меня психопаткой! МЕНЯ!

Хола умильно подняла брови, незаметно толкая Хаару ногой.

– Ай-ай, как нехорошо! И ты рвала веревку? – спросила она ласковым голосом.

Честная Таамаг терпеть не могла обманывать.

– Нет. Я плакала и пыталась до них хотя бы доплюнуть. А эти дуры отпрыгивали и тыкали в меня шваброй. Но тогда я была еще маленькая. Они зауважали меня, только когда я в первый раз оторвала кухонную дверь. Или, возможно, что-то было еще до этого. Не помню, – сказала она.

Хаара дрогнула покрашенным ртом. Женщина взрослая, сложная, умная, привыкшая выискивать во всяком сказанном слове второе, третье, четвертое дно, она никак не могла осознать честной простоты. Сама возможность простоты и правды казалась ей подозрительной и нелогичной. С какой целью люди говорят правду, если ничего от этого не выигрывают и только выставляют себя на посмешище? Таамаг же озадачивала ее непрерывно. Всякий раз Хаара машинально начинала искать в ее словах потаенный смысл и, не находя его, царапала нос о голую истину.

– Прекрасная погода! – сказала Хола, мудро решив, что пора срочно сменить тему.

– Чудесная! – согласилась Хаара, мгновенно усматривая требуемый подтекст и успокаиваясь на этом.

– Угум. Лучше не бывает! – сипло произнесла Радулга, терзая острыми ногтями хлеб и катая хлебные шарики. Так как убивать было пока некого, валькирия ужасающего копья пребывала в глубокой меланхолии.

– О да! Высокая, мужественная погода! Сейчас редко такую встретишь! Подумать только, что некоторые ее совершенно не ценят! Лишь болтают вечно по телефону! – согласилась томная Ламина, не сводя глаз с глуповатого и самодовольного оруженосца Ильги.

Она уже десять минут кокетничала с ним и радовалась, что доводит Ильгу до белого каления.

Бэтла, тоже желая порадоваться погоде, подошла к окну и выглянула наружу. Фулона, в квартире которой все они сейчас находились, жила на первом этаже. Через декоративную решетку видно было, как по Волоколамке в жирной дымке непрерывного дождя медленно бредет унылое автомобильное стадо. Конец октября вполне тянул на ноябрь. Казалось, промозглая сырость пробирается даже в комнату.

– Я бы предпочла все же, чтобы погода была чуть-чуть менее хорошей, – жалобно сказала Бэтла.

Лысоватый немолодой оруженосец Фулоны прислушался к чему-то происходящему в коридоре и, перестав пощипывать струны гитары, открыл дверь. В комнату вошла Фулона и сразу за ней Гелата. В розовом фартуке с попугаями, с прихваткой на правой руке, с пышущей жаром шарлоткой на железном противне, валькирия золотого копья выглядела совсем домашнему. Да и Гелата, несшая широкую хрустальную вазу с салатом, вид имела мирный и безобидный.

Бэтла и ее оруженосец одновременно занервничали. Синхронные в мыслях и чувствах, оба прикинули, что одной шарлотки и одного салата на всех валькирий и оруженосцев явно маловато. Пламя волчьего аппетита этим не погасить. Как бы хорошо Фулона ни готовила, она не так часто принимает гостей, чтобы представлять, сколько может съесть такая толпа.

– Я сбегая в магазинчик, а? Сыра там, колбаски! – нетерпеливо предложил оруженосец.

– Только не докторской, а лучше какой-нибудь телячьей, – капризно сказала Бэтла.

– Почему?

– Да мне вот иногда в голову приходит, что докторская колбаса делается из врачей и вообще в широком смысле из медиков, а это чуток на психику давит. С телячьей там хотя бы понятнее.

– Сообразим! – кивнул оруженосец и, не дожидаясь согласия, исчез.

Обиженный крик Фулоны: «Стой! Будет еще горячая картошка!» пришелся уже в пустоту.

– Сколько раз я тебя просила: поменяй его! Как ты можешь терпеть этого обжору? – с укором обратилась Фулона к Бэтле.

Бэтла спокойно выдержала ее взгляд.

– Меня радует, что он сам меня терпит, – смиренно сказала она.

Фулона не нашлась что ответить. Некоторое время она с беспокойством смотрела на Бэтлу, а потом вздохнула, покачала головой и стала резать шарлотку.

Ламина продолжала строить глазки оруженосцу Ильги, который, не зная, как ему к этому относиться, нервно поглядывал на хозяйку. Было заметно, что он мало-помалу начинает увлекаться. На щеках его нет-нет да вспыхивал самодовольный румянец.

Ильга прекрасно понимала, что скучающей Ламине ее оруженосец нужен не больше, чем водолазу валенки, и что она просто забавляется, дразня ее, Ильгу и подталкивая к скандалу. В рейтинговых женских боях без правил тот проиграл, кто первым не сумел скрыть недоброжелательства.

Но одно дело понимать, а совсем другое – поступать согласно своему знанию. Очень скоро измученная ревностью Ильга устала делать вид, что ничего не замечает, и решительно встала между стулом своего оруженосца и Ламиной.

– Милая! Подвинься! Ты мне загораживаешь солнышко в окошке! – капризно вытянув губы трубочкой, попросила Ламина.

Простодушная Бэтла снова посмотрела в окно, за которым постепенно сгущались ранние сизые сумерки. С ее точки зрения, маразм уже не просто крепчал, но и пускал побег.

– Слушайте: я так больше не могу. Все ждем и ждем! Одиночки еще нет? – нервно спросила Ильга.

На Ламине сорваться она опасалась и решила, что удобнее будет обвинить во всем задерживающуюся Ирку.

– Вечно эта одиночка опаздывает! – поддержала подругу Хола.

– Ничего она не опаздывает. Мы договорились около шести, а сейчас только пять минут седьмого, – вступилась за Ирку верная Бэтла.

– Готова допустить, что имело место именно выражение «около шести»! – холодно признала Хола. – Но «около» было сказано из вежливости, чтобы дать одиночке возможность сохранить лицо. Умный человек понял бы это в правильном русле и появился бы не раньше чем в 17.59, но не позже чем в 18.01. Причем пришел бы неформально одетый, потому что слово «около» предполагает известную неформальность.

– Ты эти офисные штучки брось! Нас, подмосковных, от этого тошнит! – с хохотом крикнула Гелата и бросила в Холу оливкой из салата. И, разумеется, не промахнулась. Валькирии редко промахиваются.

Хола с ужасом уставилась на свою светлую блузку.

– Гелата! Ты больная на всю голову! – произнесла она терпеливо-страдальческим голосом человека, вынужденного объяснять гостям, что в шторы не сморкаются, а в туалете есть такая волшебная кнопка, от которой срабатывает водопадик.

– Да чего такого? Всего лишь оливка!

– Да! Но на ней майонез!!! А это чистый шелк!

Гелата развела руками.

– Ну извини-подвинься! Был чистый шелк, стал грязный шелк! Не будь занудой, и я ничем в тебя швырять не буду!

Внезапно Бэтла радостно вскрикнула и, роняя горшки с цикламенами, забарабанила в стекло.

– А вот и она! Мы тут! Ау! – заорала она во всю мощь легких.

Несколько валькирий кинулись к окну.

– О, вот и одиночка! – сказала выглянувшая в окно Хаара.

Вдоль шоссе шла Ирка. За ней, под мороком пятилетнего ребенка, тащился кривоногий Антигон, с большим удовольствием наступавший лапами во все лужи. По тому, как Ирка рассеянно вглядывалась в номера домов, заметно было, что Бэтлы она пока не замечает. Бэтла с воплем полезла с ногами на подоконник, но оруженосец Фулоны ее торопливо стащил. Под весом Бэтлы пластиковый подоконник легко мог обломиться.

– Ну смотри, Хола! Она одета неформально, как ты хотела! – насмешливо сказала Радулга.

– Неформально – это когда лишняя пуговица расстегнута или заколка в волосах, скажем, не темная, а какая-нибудь с перламутровым глазком. А тут налицо явные джинсы и куртяшка с капюшоном в стиле «купи три пары колготок – куртка бесплатно!» – фыркнула Хола.

– Хола! Мне кажется, тебе было бы полезно почаще переводить внешний диалог во внутренний монолог! Мироздание замусоривалось бы меньше! – негромко сказала Фулона.

В ее голосе послышались стальные нотки тренера женской баскетбольной команды. Офисная красотка моментально присмирела.

Ирка наконец заметила в окне Бэтлу, и на ее лице появилось пугливо-радостное выражение. Она тоже замахала Бэтле, метнулась в одну сторону, в другую и помчалась обегать дом.

– Ну все! Теперь если подъезд не перепутает, скоро будет, – удовлетворенно произнесла Гелата.

– А что у одиночки было в руках? Она ведь что-то несла! Что-то такое длинное! – внезапно сказала Хаара.

Валькирии стали вспоминать. Варианты были озвучены самые разные – от удочки до складного байдарочного весла.

– Футляр с бильярдным кием, – со знанием дела пояснил оруженосец Ильги, у которого оказался самый наметанный глаз.

– Ну разве не гений? И где таких эрудированных находят? Не в капусте, нет? – на ухо Ильге прокудахтала подкравшаяся Ламина.

Ильга передернулась и боком, как краб, поспешила отбежать от нее.

– Зачем одиночке бильярдный кий? – удивилась Хаара.

– Там не кий, – уверенно произнесла валькирия золотого копья и отправилась открывать.

Лицо у нее при этом было очень суровым.

Не желая, чтобы другие валькирии толпились у нее за спиной, Фулона вышла на площадку, строго оглянулась и, прикрыв за собой дверь, прислонилась к ней спиной. Ей пришлось ждать минуты три, пока запыхавшаяся Ирка наконец оказалась рядом.

– Чего так долго? – спросила Фулона.

– Ой, простите! Я выход из метро перепутала! Вы объясняли «первый вагон – направо», а там вместо нормального «направо» сразу два «направо», и оба какие-то совсем левые, – сказала Ирка сбивчиво.

– А чтобы дом обойти, тоже повороты считать надо?

– Там это... замок кодовый... Я жму «вызов», а он пищит. Хорошо, дедок какой-то под вернулся.

Фулона вздохнула. Она уже привыкла к тому, что с валькирией-одиночкой вечно все не так.

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать? – поинтересовалась она, зорко глядя на Ирку.

Та виновато покосилась на футляр с бильярдным кием.

– Оно не исчезает, – пожаловалась Ирка.

Глаза Фулоны вспыхнули в паутине мелких, прежде незаметных морщинок.

– *Как не исчезает?* – переспросила она тихо.

Ирка ощутила себя человеком, который ступил на зыбучий песок.

– Да так вот. Не исчезает, и всё.

– Но действует?

– Да. Силы оно не утратило и меткости тоже. Я проверяла на самых дальних целях. Поражает их и возвращается... Но при этом почему-то не исчезает.

Фулона покачала головой.

– Почему ты мне сразу не сказала?

Ирка смутилась.

– Не знаю. Боялась, наверное. Думала, может, все как-нибудь само собой устроится.

– Само собой никогда ничего не устраивается! Особенно в *таких* вещах! Ты когда-нибудь станешь серьезнее?

Ирка торопливо уцепилась за это «когда-нибудь» и пообещала, что если когда-нибудь, то обязательно станет. Фулона некоторое время молчала, о чем-то размышляя, после чего решительно дернула подбородком, точно перечеркивала внутренние колебания.

– Хорошо. Это мы обсудим позднее. Пока же я хотела поговорить вот о чем... – начала она, но, не договорив, сердито обернулась. Дверь, ударившая ее сзади, распахнулась, и на площадку выкатилась круглая раскрасневшаяся Бэтла.

– Меня сзади толкнули! Я не подслушивала!.. Честно-честно! О, привет! – крикнула она, кидаясь обнимать Ирку.

Та и глазом моргнуть не успела, а Бэтла уже насильно проволокла ее в коридор, стащила с нее мокрую куртку и усадила за стол между собой и Хаарой. Антигон важно прошлепал под ногами у оруженосцев и тоже оказался в комнате, где ему мгновенно оттоптали ласты.

– Умные хорошие люди! Чтобы вам всем было много здоровья и счастья и вы бы никогда не сдохли! – сердито ойкнул кикимор и забился под диван.

– Ничего не поделаешь! После поговорим! – улыбнулась Фулона, поймав вопросительный взгляд Ирки.

Ужин прошел шумно. Ирка давно уже уяснила, что, когда валькирии собираются вместе, тишина так же невозможна, как мирное сосуществование пороха и зажженной свечи.

Гелата бросалась оливками и огурцами из салата, а когда весь салат съели, пригорюнилась и стала петь русские народные песни. Хола уронила сотовый телефон. Отлетевший аккумулятор куда-то откатился. Его долго искали, после чего обнаружилось, что его из вредности и в надежде на трепку съел Антигон.

Радулга от нечего делать поссорилась с прохожим, собака которого на улице слишком громко лаяла, и хотела его убить, но ее успокоили, вручили ей блюдо с шарлоткой и усадили к телевизору смотреть юмористическое шоу. Ни разу не улыбнувшись, Радулга терпеливо посмотрела все шоу, после чего пообещала, что обязательно убьет ее ведущего.

Ламина довела-таки Ильгу до белого каления и заставила ее вспылить, после чего мгновенно утратила интерес к оруженосцу, заявив, что надутые дураки интересуют ее сугубо в психиатрических целях.

Всё это было забавно, и Ирка получила бы от гостей кучу приятных впечатлений, но так случилось, что за ужином рядом с Иркой сидела Хаара, на коленях у которой лежала салфетка.

Как только Ирка брала со скатерти чашку или роняла на стол несколько крошек, Хаара мгновенно хватала салфетку и с необычайной энергией терла это место.

К концу ужина Ирка стала совсем дерганой. Она сидела, положив руки на колени, боялась к чему-либо прикоснуться и ощущала себя большим вредоносным микробом.

Наконец валькирия золотого копья встала, вышла в коридор и пальцем поманила за собой Ирку. Ирка оказалась на большой уютной кухне. Если не считать грязной посуды, загромождавшей мойку, все в кухне содержалось в угнетающей аккуратности и имело четкий отпечаток раз и навсегда продуманной системы. Ирка прикинула, что, если такая же аккуратность царит и в мыслях Фулоны, ничего удивительного, что именно она стала валькирией золотого копья.

На стене Ирка заметила пробковую доску. На пришпиленном к ней листе бумаги маркером было крупно написано «**Ючка**».

– Это я себе напоминаю: не забыть связаться с одиночкой. Я часто так сокращаю: по2л, маЗца, оБ... – пояснила Фулона, заметив, куда Ирка смотрит.

– Я тоже так в детстве развлекалась. Кто-нибудь меня разозлит, я сижу и мрачно рисую шагающих человечков со стрелочками, – кивнула Ирка.

– Почему со стрелочками? – заинтересовалась Фулона.

– Ну как? Он же шагает. Это «иди». А стрелочка – это «от». Вот и получается «идиот».

Валькирия золотого копья кивнула.

– Ну а теперь то, ради чего я тебя звала. Ты едешь в Питер. На Васильевском острове отыщешь Большой проспект.

– А я его найду?

Фулона усмехнулась.

– Не сомневайся! Найдешь даже ты, потому что он действительно большой. Вот адрес. А вот ключ от питерской резиденции валькирий. Не удивляйся, когда ее увидишь. Это всего лишь комната в коммунальной квартире с соседями.

Ирка удивленно вскинула глаза.

– Да-да, – с вызовом подтвердила Фулона. – Ты не ослышалась! Не то чтобы у света было плохо с бюджетом, но если для кого-то важен только бюджет, он свету не служит. Так что скромными условиями мы сразу отсекаем чужеродный контингент... Понимаешь?

– Приблизительно.

– А надо, чтобы не приблизительно! Ну хорошо! Ты морально готова к поездке?

Валькирия золотого копья быстро взглянула на Ирку, как видно, ожидая вопроса: а зачем вообще ехать в Питер? У Ирки хватало ума молчать. Она уже поняла правила. Когда солдату приказывают: «В атаку!» – он не спрашивает: «Зачем? А оно мне надо?» Если за это и погладят по головке, то только наждачной бумагой. Все, что она должна знать, ей и так скажут. Если же чего-то знать не должна, задай вопрос хоть сто раз – услышишь лишь тишину.

В кухню заглянул здоровенный оруженосец Таамаг и, как теленок, застыл на пороге, всунув в дверь широченное щекастое лицо.

– Вы что-то здесь забыли, молодой человек? – нетерпеливо обратилась к нему Фулона.

– Я ванную ищу.

– Вынуждена вас огорчить: пока вы ее не нашли.

Голова озадачилась и заморгала. Заметно было, что соображает она не слишком быстро.

– Чего??

Фулона вышла из себя.

– ТОГО! Попытайтесь поискать севернее. В случае успеха о результатах поиска нам сообщать не надо. Бурного восторга тоже выражать не надо! Рапорт подадите непосредственному начальству, – отрезала валькирия золотого копья.

Оруженосец наконец сообразил, чего от него хотят, и, сутулясь, удалился. Громадная виноватая спина занимала всю ширину коридора. Ирке стало его жалко.

– Жестоко вы с ним! По-моему, он огорчился.

– Это я огорчилась! Не найти в двухкомнатной квартире ванной – это уже не анекдот. Это патология. Загадка для меня эти оруженосцы! И как они только отыскиваются? Откуда берутся? Каждый точно клонированная копия хозяйки. Если не внешне, то в плане мозгов точно, – глядя ему вслед, негромко сказала Фулона.

«Значит, моя клонированная копия – Антигон», – без воодушевления констатировала Ирка.

– Теперь по поводу поездки! Запоминай главное. Недалеко от твоего дома будет порт. Ты увидишь забор и краны. Если стоять лицом к порту, по левую руку окажется бензоколонка. Напротив бензоколонки небольшая площадка. Несколько скамеек, детская горка, турник... Ты будешь вести за площадкой наблюдение. Обо всем необычном сразу сообщай мне. Самой вмешиваться ни во что не надо. Разве что в самом крайнем случае. Вопросы есть?

– Есть.

– Валяй!

– За чем именно я должна наблюдать?

Как Ирка уже заметила, терпение не было самой сильной стороной Фулоны.

– Я же сказала: за площадкой! Это разве не ясно? – повторила она не без досады.

– Ясно. Но что на этой площадке меня должно волновать? Чтобы дачники скамейки не утащили?

Фулона молчала довольно долго. Заметно было, что она колеблется.

– Просто наблюдай, и все, – сказала она наконец.

– Секрет?

– Не то чтобы секрет. Просто тут все сложно. Если тебе дано увидеть – ты увидишь. Возможно, сразу. Возможно, не сразу. Если нет – значит, само знание об этом пока преждевременно. Понятно?

Ирка подтвердила, что понятнее не бывает.

– Когда надо ехать? Завтра? Послезавтра? – спросила она.

– Не угадала. Сегодня.

Ирка с сомнением посмотрела на часы. Стрелка подползала к восьми.

– А я еще успеваю?

– Замечательно успеваешь. Большинство поездов идет в Питер после двадцати трех ноль-ноль. У тебя достаточно времени, чтобы собраться. Телепортации я запрещаю. Это не тот случай, когда нужно привлекать внимание. Еще вопросы?

– Деньги на билеты, – сказала Ирка.

– Билет тебе уже куплен. А командировочные вот.

Фулона открыла крайний кухонный шкафчик, оказавшийся сейфом, и вручила ей зеленую керамическую кошку-копилку. Ирка встряхнула ее. Копилка была полной примерно на треть. М-да, не густо. Автомобиля не купишь, на Багамы не съездишь.

– Распишись вот тут... Умница, хоть почерк аккуратный! Копилка вручается тебе на ответственное хранение. Все истраченные монеты возвращаются обратно не позже чем через сутки. Ни в чем себе не отказывай! Хочешь хлеба – купи хлеба. Хочешь минеральной воды – купи минеральной воды, – с ободряющей улыбкой сказала Фулона.

Провожая Ирку, валькирия золотого копья вышла на площадку, шуганув двух слонявшихся без дела оруженосцев.

– В комнату не заходи, а то застрянешь и не успеешь на вокзал, – напутствовала она Ирку.

– А попрощаться?

– Я сама за тебя прощаюсь. Стой! Ты кое-что забыла!

Ирка обернулась и взяла футляр. Фулона разжала пальцы не сразу. Несколько секунд они держали копьё вместе.

– Помни: *что* у тебя! И всегда внутренне спрашивай себя: достойна ли ты его, – негромко сказала Фулона и выпустила древко.

В бильярдном футляре, раздобытом не так давно Антигоном, копьё казалось Ирке тяжёлым и неудобным. Оно застревало в тесной каменной глотке подъезда и царапало штукатурку. В другой руке сиротски гроыхала копилка. У Ирки, разумеется, не было даже пакета, а в карман она не пролезала. Очередное проявление непригодности. Быт кусал ее как голодный пес.

Ирка была уже у почтовых ящиков, когда ее догнал голос Фулоны:

– Погоди! Не напомнишь мне четвертый пункт кодекса валькирий?

Ирка обернулась. Фулона уже вошла в квартиру и собиралась закрыть за собой дверь.

– Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви, – процитировала Ирка.

– Слово в слово! Как тут не позавидуешь молодой памяти? – одобрительно сказала Фулона.

Дверь хлопнула, а Ирка все продолжала смотреть на нее, раз за разом проигрывая вопрос Фулоны и свой ответ.

Может, копьё оттого и не желало исчезать, что у нее была слишком хорошая, слишком цепкая память и ей никак не удавалось обмануть ее?

* * *

Ирка шла и размышляла, зачем валькирии послали ее в Питер следить за площадкой с турниками. Нечего сказать: ответственная работенка! Чего, интересно, они опасаются? Что стражи мрака попиливают в городе все турники и молодое поколение питерцев вымрет от ожирения и дистрофии?

Подробнее о задании она пока не задумывалась. Вначале надо до места добраться, а там видно будет. В данный момент Ирку больше волновало, что происходит с ее копьём. Почему оно упорно отказывается исчезать?

– Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви, – вслух повторила Ирка.

Это не совет даже, не пожелание, а обязанность, долг. Люби сама, верно, спокойно, без метаний, люби всех без исключения, но при этом не требуй, чтобы любили тебя, – чего уж может быть яснее и проще? Следует ли она сама этому правилу? Нет. А если нет, то почему удивляется, что копьё периодически перестает слушаться и теперь, точно вечное напоминание о долге, постоянно пребывает у нее в руках? Потому и в руках, чтобы помнила и не забывалась.

Другой проблемой Ирки, как она сама осознавала, было то, что Ирка путала любовь к людям как таковую (какая и требовалась) с любовью конфетно-страстной, вычитанной из романов, которые она потребляла некогда, как наркоман одноразовые шприцы.

В настоящий момент Ирка не склонна была выбирать между двумя МБ, один из которых, Багров, постепенно становился все ближе, а другой, Буслаев, держал дистанцию и оттого сохранял ореол недостижимости. Как кукла, которую девочка видит в витрине и пускает слюни. Но купи ей эту куклу, и через пятнадцать минут она отшвырнет ее, обезглавленную и с оторванными ногами, в сторону, досадуя, что у нее отняли мечту.

«Есть такая интересная штукавина – психологическая вовлеченность. Уронил на улице пятьдесят копеек и все ищешь-ищешь. Просто интересно, куда монетка закатилась. А что у тебя в этот момент сто рублей из заднего кармана джинсов свистнут, не суть важно. Тут-то психологической вовлеченности нету», – подумала Ирка мельком, решив додумать эту мысль позднее, когда у нее будет соответствующее настроение.

В каждый момент жизни человек должен жить внатяг, с ощущением сюрприза. С эдакой сокрытой от мира шоколадкой во внутреннем кармане, с ожиданием праздника в душе. Дышать мечтой и жадной перемен. Зажравшийся человек – человек перечеркнутый.

Ирка и не заметила, как оказалась у метро. Мелкий дождь устал уже моросить, и вся сырость перешла в воздух. В плоских лужах плавали фонари. Торговцы хлопучками, пакетами и бельевыми прищепками дули на замерзшие пальцы. Небо было усеяно кучками щемяще-грустных звезд, между которыми рогами кверху плавала узкая ладья луны. Ирка, долго сидевшая сегодня перед компьютером, близоруко перепутала луну с провисшей рекламной гирляндой.

Внезапно Ирка вспомнила об Антигоне, которого забыла у Фулоны. Спихватившись, она обернулась, готовая вернуться, и увидела, что кикимор вперевалку бежит к ней. Его грушевидный нос был свернут набок, бакенбарды примяты, зато физиономия так и лучилась довольством. Оказалось, что валькирии для скорости просунули Антигона через решетку, причем просовывать доверили Таамаг, которая и проделала это со всей богатырской ответственностью.

– А-а, подождали меня! Чтоб вам в люк без крышки не провалиться и шейку не свернуть, милая хозяйечка! – завопил кикимор.

– Говори что хочешь! Все равно не пну! – сказала Ирка.

Она давно опытным путем убедилась, что эта фраза успокаивает Антигона быстрее прочих. Вот и сейчас кикимор попытел немного и покорно зашлепал по мокрому асфальту.

Они были уже на эскалаторе, который Антигон недолюбливал из-за возможности застрять ластами, когда Ирка повернулась к кикимору и серьезно спросила:

– Слушай, Антигон... вот что меня смущает... ведь, в общем-то, если разобраться, я не сильно хуже остальных валькирий. Почти каждую можно в чем-то упрекнуть. Почему же именно меня перестает слушаться копьё? И на моих силах сказывается всякое мелкое нарушение кодекса, всякая внутренняя слабость? Что я, рыжая?

Антигон серьезно посмотрел на нее.

– Они, хозяйка, плывут на одном корабле, сообща, и силы у них общие. Вы же, хозяйка, одиночка и плывете на утлом челноке своего одиночества. Ничего удивительного, что им проще. Понимаете?

Ирка мотнула челкой.

– Не особо.

– Да, хозяйка, они не идеальны. У каждой свои недостатки, но все вместе они единое целое. Одна падает, а другие ее подхватывают, хотя, может, и не догадываются, что подхватывают. Когда корабль большой, можно его даже пораскачивать немного – он выдержит. А челнок раскачивать нельзя, и за борт падать нельзя – некому будет вытащить. Ну разве только старине Антигону!

Кикимор самодовольно разгладил бакенбарды и тотчас подпрыгнул, спасая перепончатые лапы от прожорливых зубцов эскалатора.

– Так, может, я и не свет вовсе? Можно ли служить свету, если не ощущаешь себя светом? – обреченно спросила Ирка.

Антигон пугливо замотал всклокоченной башкой.

– Даже и в голову не берите эту глупость, хозяйка! Сплюньте и язык железной мочалкой потрите! А кому еще служить? Я-то не очень в этом смысле, но маманя моя любила повторять: «Пускай скрипучее колесо, кривое – главное, что в нужную сторону едет!» – сказал он.

Ненадолго заскочив в «Приют валькирий», Ирка наскоро побросала в рюкзак вещи и устремила на вокзал.

Глава 2

Письмо от Троила

Ты стоишь тем меньше, чем дороже тебе хочется казаться.
«Книга Света»

Евгеша Мошкин нежно погладил кастет. В шумное общежитие озеленителей он отправлялся теперь не иначе чем с подобной страховкой.

– Пушкина уважаешь? – спросил Мошкин.

– А если скажу «не уважаю», тогда что? Локтем с разворота в голову, а потом захват за шею и добив коленом? – лениво поинтересовался Меф.

Две минуты назад он закончил стоять на кулаках и теперь валялся на диване, вкушая расслабляющую радость безделья.

Заметив в глазах Евгеша скорбное недоумение, Меф перестал придуриваться.

– Ну уважаю... Мысль-то какая?

– Помнишь, в царе Салтане есть «ткачиха с поварихой с сватьей бабой Бабарихой»?

– Это которые вредят?

– Да. Я вот все время пытаюсь понять. Ткачиха с поварихой понятно, почему завидуют. А сватья баба зачем лезет? Ей-то какая выгода?

Меф закинул босые ноги на спинку дивана и с удовольствием пошевелил пальцами.

– Так жизнь устроена. Кому меньше всех надо, тот больше всех и суется, – предположил он.

Мошкин кивнул, показывая, что принял версию к сведению. Пряча кастет в карман, он выронил кнопочный нож и наклонился, чтобы поднять. Однако нож уже был в руке у Мефа, мгновенно скатившегося с дивана. Что ни говори, а реакция у него была, как у мангуста.

Выщелкнув лезвие, Меф придирчиво осмотрел его. Сталь, конечно, скверненькая, но заточено на славу. Сразу видно: школа Арея. В памяти Мефа ясно прозвучал его твердый голос: «Заводишь цацки – следи за ними».

– Знаешь, я только сейчас от этого освобождаюсь, – сказал Меф задумчиво.

– От чего «от этого»? – не понял Евгеша.

– Ну от постоянного внутреннего напряжения. Раньше, когда мы с Ареем тренировались по восемь часов в сутки, я был как зомби. Встречаешь, например, одноклассника бывшего, болтаешь с ним, а мозги уже просчитывают: ногой в печень, чтоб хоть немного дернулся и масса тела вперед сместилась. Тогда уже уйти из-под удара не успеет, если мечом рубануть по диагонали...

– Зачем рубануть?

Меф закрыл кнопочный нож и вернул Мошкину.

– Да низачем. Просто теоретически, понимаешь? Мне кассирша в магазине сдачу протягивает, а я прикидываю, как ей запястье сломать. Или Эдька, к примеру, расщедрится, руку в карман сунет денег дать, а я соображаю: если бы он, скажем, за пистолетом полез, можно его руку через карман к бедру ножом выкидным прибить или нельзя?

– А со стороны ты вроде почти нормальный был, – испуганно произнес Евгеша.

– Угу, – согласился Меф. – Со стороны. Главное, что теперь я от этого освобождаюсь. У меня сейчас новый принцип: «Не делай другим того, чего не хочешь себе. Даже не мысли об этом, и ничего не случится».

Мошкин понимающе улыбнулся.

– Даф? – спросил он.

– Даф, – признал Меф.

– То-то я вижу, что светлая пропаганда!

– Какая уж тут пропаганда! Тебе говорят: не пей из унитаза и не станешь козленком! А ты отвечаешь: «Отвали, пропагандист! Откуда хочу – оттуда пью!» Ну и пей себе, если неймаешься...

– Все равно не понимаю эту философию про «не хочешь – не делай!» – заупрямился Мошкин.

– А тут и философии никакой нет. Одна сплошная практика. Ты должен перестать относиться к людям со страхом, и неприятностей у тебя сразу станет раза в два меньше.

– Я не виноват, что все на меня кидаются. Ведь кидаются же, да? – привычно засомневался Мошкин.

– А почему кидаются? Ты напряжен. Понаблюдай, как тыходишь к незнакомому парню где-нибудь на пустынной улице. Пальцы у тебя неосознанно сжаты в кулак. И внутренне ты закручен как пружина. Идут такие два буратишки друг на друга. Лица каменные, грудь колесом, мышца играет... Ну прямо сцена из ковбойского фильма! А разберешься, так один бабушке ключи заносит, а другого за стиральным порошком послали.

Слушая Буслаева, Мошкин несколько раз выщелкнул и убрал лезвие.

– Вообще-то логика есть, – признал он.

– Какая уж тут логика? Как мы смотрим на людей? Выборочно. Из всего человечества мы замечаем хороших девочек, парней-ровесников и всяких опасных с виду челов крутого вида. Всего же остального для нас попросту не существует. Ни детей, ни стариков, ни нуждающихся в помощи. Выборочный такой, искусственный мирок. Точно тебя гонят по узкому темному коридору, а там, с другой стороны, ласково скалятся съеденными зубками добренький дядя Лигул, – сказал Меф.

– Ну ты прямо как Даф правильный стал! – пробурчал Мошкин.

Как и все служащие русского отдела мрака, он терпеть не мог, когда ему напоминали о Лигуле. Слух о том, что мрак любит свое начальство, преувеличен. Пирамида мрака держится исключительно на страхе.

Меф покачал головой.

– Нет. Даф уникальна. Она в каждом человеке видит только хорошее, хотя бы его была всего капля. Даже если ей попадет пьяница с разбитым лицом, который сидит в луже и кроет всех трехэтажным матом, она не увидит всей этой грязи, а увидит, что у него несчастные добрые глаза. Не хило, а? Мне такому вовек не научиться.

Держа нож в руках, Евгеша подошел к дверям, приоткрыл их и прислушался, нет ли в коридоре буйных озеленителей. Все было тихо, и Мошкин заторопился.

– Ну все, я пошел! Так ты придешь сегодня в пять? Что передать Арею? – спросил он нетерпеливо.

– А чего Арею от меня надо? – поинтересовался Меф, вспоминая, что в этом и была цель визита Евгеша.

– Понятия не имею. Он мне не докладывает. Да и работы сейчас завал – головы не поднимешь. Даже Тухломона припрягаем. Припрягаем ведь, да? – привычно засомневался Евгеша.

– Тебе виднее. А где Улита?

– Точно не знаю. В Питере, кажется.

– Чего она там делает? – удивился Меф.

– А я без понятия. Арей послал. Значит, в пять ты будешь? Не подведи, а то меня прикончат.

И Мошкин умчался.

* * *

Из отгороженной шкафом кухни выглянула Дафна, только что закончившая разучивать очередную атакующую маголодию. Дело у нее продвигалось туго. Даф многократно ловила себя на мысли, что в Эдеме освоила бы эту маголодию раз в семь быстрее. Легкие и эфирные, стражи света от жизни в человеческом мире тяжелели, привязывались к телам, обросли их привычками, и то, что прежде казалось естественным, как дыхание, становилось с каждым днем все более сложным.

Даже Эссиорх признавался, что был день, когда он, проснувшись утром, долго лежал, смотрел в потолок и болезненно пытался вспомнить: кто он – действительно хранитель или мотоциклист, которому приснился путаный и яркий сон?

– Евгеша заскакивал. Арей зовет меня сегодня вечером. Пойдешь со мной? – спросил Меф.

– Разумеется. Тебя одного в этот темный гадюшник я не отпущу. Кстати, хотела спросить. Ты опять трогал мою флейту? – строго спросила Дафна.

– Откуда ты знаешь?

– На ней следы яичницы. А кто еще, кроме бывшего темного стража, может играть на флейте, даже не вытерев губы? Ну и как? Вышла у тебя хоть одна маголодия?

– Нет.

– Это оттого, что ты стараешься играть пальцами и дыханием, как обычные флейтисты. Тут же так просто не отделаешься. Надо душу вкладывать, сердце, все светлые помыслы... Губы – это глубоко вторично, особенно если на них яичница, – пояснила Дафна.

Меф хмыкнул.

– Слушай, а почему Мошкин служит мраку? Он же вроде как светлый, – поинтересовался он.

– В том-то и беда, что вроде как. А того хуже, что он вялый. Иному доброму, но вялому дальше до света, чем какому-нибудь отрицательному, но цельному Чимоданову... К сожалению, так. Много думать о добре и одновременно не совершать добра хуже, чем не думать ни о чем вообще, тупо творя зло, – грустно ответила Даф.

– Ага. С Петруччо в этом смысле попроще. У него жизненная позиция лежачего камня.

– А какая позиция у камня? – не поняла Даф.

– Ну как какая? Каменная. Не делает совсем ничего, морду держит кирпичом и так мешается, что все его обходят, – сказал Меф.

Дафна кивнула. Она ухитрялась в одно и то же время слушать Мефа, следить за котом, убирать со стола и переселять на книжную полку валявшиеся на диване книги. «Моя семиделочка Юлия Цезаревна!» – порой дразнил ее Меф, потому что Дафна могла делать одновременно дел семь, из которых дел примерно пять делались качественно, остальные же шли вынужденным самотеком.

Даф распахнула форточку и, отловив за кожистое крыло, вытолкнула за окно Депресняка, который как-то слишком задумчиво смотрел на стоявшие у двери ботинки Мефодия. Дафна очень хорошо знала все немногочисленные мысли своего кота и предпочитала не рисковать.

Депресняк некоторое время болтался на раме, а затем неохотно, делая всем и самому себе одолжение, спрыгнул на газон. Выглядел газон неважно, и произрастали на нем только фантики и окурки. По туманной причине общежитие свое озеленители упорно не озеленяли. Видно, срабатывало старое правило, по которому сапожник остается без сапог, а озеленитель без травы.

– Я тебя предупреждала: не оставляй ничего на полу! – напомнила Дафна Мефу.

– Что мне, ботинки в морозилку, что ли, прятать? – огрызнулся тот.

– Если тебе так проще – прячь в морозилку. Все равно мы ею не пользуемся, – терпеливо согласилась Даф.

– Ботинки – те да. А вот меч в холодильник не поместится, – мрачно прикинул Меф.

– А что, он и его пометил?

– Пытался. Но со всей дури брошенная подушка летит примерно со скоростью двадцать километров в час, или шесть метров в секунду, – сказал Меф, имевший довольно четкое математическое мышление.

Мобильник Буслаева, лежащий на столе, дернулся и, съезжая по полировке от вибровонка, заиграл егерский марш.

– Опять Ромасюсик, – сказала Дафна, взглянув на него.

Меф передернулся.

– Я не буду отвечать!

– Лучше ответь, а то опять отрезанные трубки будут трезвонить или голос из раковины забулькает, как позавчера! Ты же знаешь, какой он приставучий!

– Он приставучий, а я упрямый, – сказал Меф, решительно выключая мобильник.

– Чего так плохо? Разве ты не пойдешь к Прасковье? – не без коварства удивилась Даф.

– Да не хочу я туда ходить! Там ужасно мерзко! Прасковья сидит и глазами меня пожирает, а в углу торчит Ромасюсик и противно сосет леденец. С причмокиваниями, гадко так! Натуральный суккуб, только естественного происхождения! – кривясь, сказал Меф.

Даф отвернулась, пряча улыбку. Она видела, что ее система приносит результаты.

Не так давно Дафна сообразила, что запрещать Мефу принимать постоянные приглашения Прасковьи бессмысленнее, чем заливать костер бензином. Меф или пойдет из упрямства, потому что не выносит, когда кто-то им командует, или даже не пойдет, но тогда ему будет казаться, что он хотел пойти и просто сделал одолжение. Чтобы такая ситуация не возникала, Даф сработала на опережение. Она сама стала требовать, чтобы Меф почаще заглядывал к Прасковье.

Меф послушно ходил раза три, после чего взбунтовался и перестал отвечать на телефонные звонки. После этого по Москве дважды или трижды прокатывались стремительные ураганы, всякий раз случавшиеся почему-то после неудачных звонков Ромасюсика.

* * *

Дафна настояла, чтобы днем заглянуть к Эссиорху. Приглашение Арея ей активно не нравилось, и она не без оснований подозревала подвох.

– Мы можем верить Арею, – сказал Меф.

– Но не можем верить мраку! – отрезала Даф.

– Но Арей не мрак, – сгоряча заявил Мефодий и тотчас озадаченно притих, поняв, что ляпнул что-то не то. Если Арей не мрак, то кто ежедневно отправляет в Тартар тысячи и тысячи русских эйдосов, обрекая их на вечный плен?

– Странная штука! И Арей вроде благородный. И Евгеша неплохой. И Улита, и Чимоданов, и Ната тоже нормальные, в целом, люди. И я тоже мраку служил... А все вместе мы губили больше народу, чем если бы работали в газовой камере, – сказал Меф.

Дафна перестала вытирать стол.

– В том-то все и дело. Абсолютное зло само вредить особенно и не может: оно связано светом. Все зло в мире осуществляется злом неабсолютным, серым, опосредованным. То есть жертвами первичного зла, которые несут его и другим тоже, одновременно убивая себя. Ну как сотрудники табачной фабрики или оружейного завода – вроде и не хотят никого убивать и сами по себе, может, люди хорошие, а все равно получается косвенно, что убивают. Можно,

конечно, говорить, что они сами не заставляют людей курить или друг в друга палить и что, уйди они с работы, другие придут, – только это уже отмазка.

Эссиорх оказался дома. Активный байкерский сезон уже закончился, и художник в хранителе поневоле победил мотоциклиста.

– О, привет! – сказал Эссиорх, открывая дверь. – Вовремя вы пришли, а я тут через полчаса к Кареглазову собрался в мастерскую. Хочу, понимаете, так свою лень в пузо пнуть, чтобы она неделю не разогнулась.

– А дома нельзя ее пнуть?

– Можно-то можно. Но думаешь, главная проблема начинающего скульптора в одном только поиске внутренней идентичности? Главная проблема – то же «неохота» и то, что раковину на кухне вечно забивает глиной и скульптурным пластилином.

Мефодий неосторожно плюхнулся в кресло и взвыл. Под валявшейся на кресле газетой, которую Буслаев поленился убрать, обнаружилась приборная панель от мотоцикла.

– Инструкция № 403 для стражей, десантирующихся в человеческий мир: «Прежде чем куда-то сесть или на что-то наступить, тщательно все проверь, каким бы мягким или крепким оно ни выглядело», – по памяти озвучил Эссиорх.

Дафна посмотрела на открытый шкаф Корнелия. На дверце болталось несколько в спешке выброшенных свитеров, и еще один, светлый, дохлой медузой лежал на полу. Сама дверца капризно покачивалась от сквозняка, вполне выражая настроение хозяина.

– А где сам?.. – спросила она.

Эссиорх улыбнулся. Он стоял у раздвижного этюдника и закручивал тюбики с масляными красками.

– Должен уже быть. Задерживается чего-то.

– На свидании?

– Не совсем. Он разболтался, и Троил его смиряет. В одной многодетной семье у матери аппендицит, а отец, подводник, в плавании еще месяца два будет. Вот Корнелия и назначили с детьми сидеть.

– Разве страж света может быть нянькой? – усомнился Меф.

– Только страж света и может быть нянькой, – заверил его Эссиорх.

Дафна метнулась к подоконнику, привычно подхватив под живот Депресняка, с нездоровым любопытством обнюхивающего шторы.

– Что, опять? Ничто так не губит настоящего мужчину, как слишком полный расцвет сил, – насмешливо прокомментировал Меф.

Депресняк благодушно заскрипел на руках у Дафны, признавая за собой полное право на этот комплимент.

– Арей требует Мефа в резиденцию мрака сегодня вечером, – вспомнила Дафна.

Пальцы Эссиорха произвольно сжались. Из тюбика выполз и закрутился красный червяк краски.

– Причин вызова он, конечно, не объяснил? – спросил хранитель.

– Нет. А откуда ты знаешь?

– Я бы удивился, если бы не угадал. Мрак обожает тайны. Учитывая же, что правда всегда проста и безыскусна, на первый взгляд она всегда проигрывает лжи.

– Так мне идти или нет? – спросил Меф.

– Мой ответ: нет. Но свободы выбора никто еще не отменял. Решай сам.

Меф подумал и решил.

– Я, пожалуй, схожу. Может, что-то важное? – сказал он.

Эссиорх пожал плечами.

– Твоя жизнь. Только не забудь, что нельзя одновременно разжигать свечу и задувать ее. И дуть в оба края дудки одновременно тоже нельзя, – предупредил он.

– Я буду с ним! – вступаясь за Мефа, вмешалась Дафна.

Эссиорх печально посмотрел на нее.

– Что ж, сходите, только помните, что чем симпатичнее зло, тем меньше поводов ему доверять.

В коридоре раздраженно хлопнула дверь.

– Ага! Вот и его величество! Сейчас ботинки полетят! – предсказал Эссиорх.

Он не ошибся. Секунду спустя два глухих удара о стену доказали, что ботинки осуществили приземление. Зашаркали тапочки, и в комнату ввалился мрачный Корнелий. По правому стеклу очков разбегалась сеть трещин. Под глазом слабо розовел свежий, только зарождающийся фингал.

– Эй, темный, а ну прочь пошел с моего кресла! Или на шесть шагов и по хлопку! – заорал он на Мефа.

Поймав просящий взгляд Дафны, Мефодий уступил кресло Корнелию. Самый бестолковый из курьеров света плюхнулся в него и страдальчески возвел глаза к потолку.

– Угадайте с нуля попыток, можно ли разбить очки подушкой? – спросил он и тотчас сам ответил: – Нет? А вот и ни фига! Очень даже можно, если в наволочку засунуть детскую машину.

– Сочувствую. Что-то ты сегодня долго, – сказал Эссиорх.

– А кто виноват, что она так поздно пришла? – взвился Корнелий. – Работающие бабушки – это враги человечества номер один. Их надо приковывать к внукам цепями, а при попытке к бегству пропускать по цепям ток!

– И много там детей? – спросила Дафна с интересом.

– Когда смиренно сидят, не особо много – всего-то четыре пацана. Но когда начинают бегать или драться, сосчитать невозможно. И разнять тоже невозможно. Чаше приходится принимать сторону слабого и вместе с ним бить сильного.

– А объяснить словами нельзя? – сострадательно спросила Дафна.

Корнелий снял очки и осторожно ошупал кончиками пальцев припухлость под глазом.

– Дохлый номер! Необходимости прощать дети пока не понимают. Как это: тебя пнули, а ты терпи! В тебя плюнули, а ты утирайся! У них врожденная логика: зуб за зуб. А еще лучше – два зуба за зуб. Учитывая же, что тот, кому ты выбил два зуба, по той же арифметике должен выбить тебе четыре, – мало никому не покажется.

– Мефодия позвали в резиденцию мрака... – сказал Эссиорх, безошибочно определяя, что еще немного, и Корнелий опять начнет орать.

Курьер света совершенно не удивился.

– А, да-да! Дядя предупреждал, что мрак в последние дни зашевелился. Наш агент в Тартаре, которому удалось выяснить нечто важное, убит, – легкомысленно сообщил он.

Эссиорх надвинулся на Корнелия, с нездоровым любопытством созерцая его куриную шею. Веснушки Корнелия озабоченно запрыгали.

– Дядя? И я узнаю об этом только сейчас? Ты говорил с Троилом? – прорычал хранитель.

– Ну не то чтобы говорил... – поспешно сказал Корнелий, начиная рыться в сумке. – Вчера от него было письмо, только я, кажется, его потерял... Эй, спокойнее, укрупненный ты наш! Маленьких не бьют, маленьких топят! Как я могу потерять то, во что заворачиваю бутерброды?

Однако и это оказалось шуткой. Когда Корнелий достал письмо, обнаружилось, что оно в полной сохранности, разве только на конверте с обратной стороны оказались записанными два телефончика.

– Девушки какие-то вчера в метро дали. Даже и просить не пришлось особенно долго. Минут всего пять позанудствовал, – похвастался он. – Правда, у меня, видимо, аппарат поло-

мался: не с теми соединяет. У первой по телефону отвечает общество пчеловодов-любителей, а у второй – срочная психиатрическая помощь.

– Тебя надули.

Корнелий помрачнел.

– Ты так считаешь? А я всё утешаю себя, что записывал немного рассеянно.

Эссиорх развернул письмо и пробежал его глазами.

– Читай уж вслух! – со вздохом разрешил Корнелий.

– Все читать?

– Ну читай все! Только сразу предупреждаю, если кто хихикнет...

– Дай-ка я угадаю! На три шага и по пинку, пока в дудочке ноты не закончатся, а в звуко-
коряде обойма не заклинит! – попытался угадать Меф.

– Вот и умница! Рад, что ты хоть это усвоил! А за дудку ты мне когда-нибудь ответишь!
Я только с виду добрый! На самом деле я гадкий, как пушистая лягушка! – буркнул Корнелий
и вновь принялся ощупывать свою боевую рану под глазом.

Эссиорх начал читать:

«Дорогой Корнелий!

Надеюсь, общение с детьми идет тебе на пользу. Мы с тобой оба знаем, что ничего так не разлагает светлого стража и не заставляет темнеть его крылья, как излишек свободного времени. Как наставник, заинтересованный в твоём дальнейшем развитии, я впредь постараюсь, чтобы свободного времени у тебя было как можно меньше. Возможно, не сразу, но уверен, что когда-нибудь ты будешь мне благодарен.

Догадываюсь, что там, на земле, очень непросто. Много соблазнов, с которыми тебе по врожденной живости и некоторой рассеянности твоего характера непросто справиться. Не верь уму! Верь только сердцу и его ощущениям. Ум как крикливый торговец с рынка, который заглушает воплями и оттирает тихую старушку, пытающуюся продать дачные яблоки. И плевать на то, что ее яблоки настоящие, а у него – один воск и химия.

Сегодняшнее человечество как овечье стадо. Пастухи мрака стремительно гонят его к обрыву, щелкая бичами спешки, потребительства, гнева, жадности, эгоизма, чтобы не было времени поднять голову и увидеть небо. Задние овцы, ничего не видя, кроме других овец, и не слыша ничего, кроме щелчков бича, поджигают передних. Передние же срываются в пропасть и не успевают даже заблестеть. Задача же нас, стражей, понимающих, что происходит, тянуть человечество за собой, кричать, чтобы овцы нас услышали, чтобы подняли жвачные морды от травы и чтобы увидели небо! Для многих, уверен, это будет спасением.

Теперь о грустном:

Наш агент в Тартаре стал чистым светом и перешел в вечность! Его последнее сообщение очень пострадало, и нам удалось прочесть лишь несколько строк. Все же из него понятно, что мрак готовит новую операцию. Суть ее неясна, но известно, что операция будет проводиться в Петербурге. Лигул отослал некое секретное распоряжение Арею. В чем оно состоит, мы не знаем. На всякий случай мы усилили охрану всех объектов света в Питере, однако в случае внезапного и массированного нападения ни одна охрана, разумеется, не может считаться достаточно надежной.

Буду признателен, если ты попросишь Эссиорха и Дафну связаться с Мефодием. Возможно, ему удастся что-то разузнать. Я прекрасно понимаю, что задание опасно, а сам Мефодий не стал еще истинным светом по духу. Он лишь формально служит ему, как прежде формально служил мраку. Однако другого выхода у нас сейчас нет.

Пусть Мефодий будет предельно осторожным и не верит себе ни на миг до последнего своего вдоха. Он еще слаб, мрак же бесконечно и многообразно хитер. Жизнь вечная не терпит пустоты. Пусть помнит, что как только человека хотя бы на миг оставит свет, его тотчас наполнит тьма.

*С любовью,
твой дядя Троил».*

– Ну вот и ответ, нужно ли откликаться на приглашение Арея! – сказал Эссиорх.

Закончив читать, он по ритуалу хранителей трепетно коснулся лбом подписи Троила.

– Как жалко, что у меня нет дядюшки, который избавляет меня от излишков свободного времени, – насмешливо встрял Меф.

У него не всегда хватало благородства, чтобы вовремя остановиться и перестать доводить Корнелия. Дафна напряглась. Она очень не любила, когда Меф начинал шутить над тем, что дорого свету. Шутки шутками, но сколько людей уже дошутилось и сколько еще дошутится.

– Твой дядя – Эдя! Умей ценить то, что у тебя есть, – сказала она.

Меф уже обувался в коридоре, когда Даф быстро шепнула Эссиорху:

– Почему Троил думает, что Меф сможет? Он же еще не готов!

– Да, не готов. Но у него есть настойчивость. Это еще не дело, но уже полдела. А еще у него есть ты, а у тебя я и Корнелий, – успокоил ее Эссиорх.

Глава 3

Сдохтырь Бурлаков

Чтобы в тебе что-то хорошее проросло, вскапывать себя надо, рыхлить как землю, лопатой бить, голодом морить, сапогом себя пинать. Без этого ничего не будет. Совсем ничего.
«Книга Света»

Зозо сломала сигарету о край пепельницы. Вырвавшись с работы на обеденный перерыв, она сидела у брата в бывшем бомбоубежище, которое обзавелось синим козырьком, как модничающий дедок бейсболкой.

– Разве ты куришь? – изумился Эдя.

– Я и не пытаюсь. Я психую! – всхлинула Зозо. – У меня все скверно! Сын вылетел из гимназии. На работе достали! Третью отдела в отпуске, треть в декрете! А у меня ни отпуска, ни декрета, ни даже перспектив того или другого! Я завалена бумагами выше переносицы. Личная жизнь – стоячее болото. Пожалей же меня, Эдуард! Ты мой единственный брат! Моя надежда и опора! Моя крепостная стена!

«Крепостная стена» поехала. Хаврон всегда напрягался, когда сестра называла его «Эдуардом». Это как минимум означало, что на него сейчас попытаются спихнуть чужую проблему. Эдя попытался предупредить сестру в атаке.

– Я никого не жалею! Я совершенно безжалостный! – напомнил он. – И вообще: с кем это недавно ты сюда приходила? Такой дядька в прямоугольных очках с лицом насморочного умняшки? А?

– Какое тебе дело? Ну, Леонид Бурлаков, – неохотно отвечала Зозо.

Неохотно – потому, что портрет, несмотря на ехидство, был узнаваем.

– Бурлаков? Хм... Кто такой?

– Доктор.

– Каких науков дохтырь? – спросил Эдя, зная, что его сестра предпочитает мужчин, клейменных образованием.

– Никаких... Помнишь, я зубы лечить ходила? Он стоматолог, – призналась Зозо застенчиво.

Зубной врач Леонид Бурлаков был красивый, породистый, уверенный в себе мужчина с благородной осанкой, медлительными движениями и внушающим уважение голосом. Эдакий актер в амплу положительного бизнесмена в дневном сериале для домохозяек.

Зозо, однако, не обольщалась и влюбляться себе не позволяла. Многократно обжегшись, мать Мефодия усвоила железное правило. Делать на кого-либо ставку и возлагать надежды никогда нельзя впритык. Всегда надо оставить запас на глупость и непредсказуемые поступки. Чем больше запас, тем надежнее защита от разочарований.

По лицу брата Зозо определила, что словом «стоматолог» самолично вручила Хаврону в руки дубину. Как нередко бывало с ним на работе, Эдю ужалила болтливая пчелка. Жажда физической деятельности овладевала им в основном дома, да и то когда он занимался ерундой. Например, заталкивал в мусоропровод старый стул, разрубая его по кусочкам кухонным топориком, а то, что могло застрять, сжигая на газовой плите. Спустить стул в лифте и отнести на помойку по дороге на работу – это для Эди было слишком просто и неинтересно.

– Ну-ка, ну-ка! Дай пофантазирую, какой он! Мягкий такой? Вкрадчивый? Часто улыбается? Быстро касается пальцами щеки? Обволакивает тебя теплом, любовью, утверждает, что никогда не видел таких чудесных зубов, не верит рентгену, не надевает маски, болтает без

умолку, делает все по наитию, а потом требует кучу денег за пломбу, которая вывалится через месяц? Да?

– А вот и не угадал! В лужу сел! – радостно сказала Зозо.

Эдя не огорчился.

– Тогда еще попытка! Последняя! Небось жутко важничает, запугивает, надевает по две пары перчаток, качает головой, зловеще молчит, а если и говорит, то утверждает, что никогда не видел такого запущенного рта. Каждую секунду меняет маску и протирается спиртом, чтобы от тебя ничем не заразиться, сто раз посылает на рентген и про каждую дырку в зубе рассуждает так, что хочется отдать ему все деньги и больше никогда не приходиться? Но пломба опять же вываливается через тот же месяц.

– Откуда ты знаешь? – поразилась Зозо.

Вторым выстрелом ее брат попал точно в цель.

– Ничего сложного. По-моему, все сверлилкины делаются по двум этим заготовкам. Третьей пока как-то не разработано, – лучась от самодовольства, сказал Эдя.

– Не кати бочку, Хавронище! Сам ты и дохлой кошке пломбу не поставишь. Это тебя не волнует?

– Не особо. В данный момент меня волнует только, почему на пижамных штанах нет карманов.

– Не винти, Эдуард! Ты же бездарь, признай!

– Пусть так. Зато я умею придумывать названия для меню. Это гораздо сложнее. Сидишь и ломаешь голову, как назвать блюдо, чтобы люди поняли, почему за обычную свинину они должны платить дороже, чем за мясо пингвина.

Зозо рассеянно улыбнулась и отодвинула в сторону тарелку, расчищая плацдарм для атаки.

– Эдуард, могу я попросить тебя об одолжении? – решительно произнесла она.

– Если это не одолжение денег, то попросить можешь, – отвечал ей брат, напирая на «попросить».

– Нет, не денег. У тебя же вагон знакомых! Ты можешь попросить кого-нибудь подъехать туда, куда я скажу, и очень культурно, мягко, неназойливо создать ощущение здоровой конкуренции?

– Какой такой конкуренции? – не понял Эдя.

Зозо смутилась.

– Видишь ли, он очень долго раскачивается, а я так не могу. Мне надо «да-да» или «нет-нет». Возможно, если Бурлаков увидит, что у него есть соперник, он как-то определится со своими чувствами. Ты, главное, сведи меня с тем, кто может на пятнадцать минут притвориться приличным человеком, и больше мне ничего не надо! – сказала Зозо.

Эдя протянул руку и озабоченно потрогал сестре лоб. Лоб был прохладный, однако это ничего не значило. Многие помешанные имеют нормальную температуру.

– Ты себя хорошо чувствуешь, сестренка? Картинка не плывет? Я сейчас буду показывать тебе пальцы, а ты говори, сколько их, – ласково попросил он.

Зозо ударила брата по руке.

– Перестань издеваться! Это вопрос жизни и смерти!

– Ну хорошо. И как же ее создавать, эту здоровую конкуренцию? – уступил Эдя.

– Твой знакомый посмотрит на меня молящим взглядом, потребует у Бурлакова объяснений, стукнет кулаком по столу и уйдет весь такой грустный и трагический, заламывая руки!

– И это все? – осторожно уточнил Эдя.

– Все.

Хаврон вздохнул.

– Слушай, твоему сыну шестнадцать, а в тебе столько дури, будто тебе самой четырнадцать с половиной.

Зозо уставилась на брата каленым взглядом василиска.

– Мефу девять! – веско сказала она. – Ты все усвоил? Он замечательный, спокойный мальчик! Немного беспомощный, застенчивый. Не умеет даже кулака сжать. Рос без отца. Сидит в углу и крутит конструктор. Другие дети в классе его обижают.

– Чего?

– Чевочка с хвостиком и кукукалка с шапочкой!

– Не груби брату! Я младший! Меня обижать стыдно! – напомнил Эдя.

Зозо порывисто встала. Стул, на котором она сидела, упал.

– Я не шучу! Я сказала Бурлакову, что Мефу девять. Само как-то выскочило. Девять, но скоро будет десять. Но пока что девять. И попробуй проболтаться! – тихо повторила она.

Эдя сдался. Он хорошо знал сестру. Обычно Зозо смирная и контролируемая, но иногда на нее находит, и тогда лучше не спорить.

– Да ладно. Я что, против? Если захочешь, наденем на Мефа подгузник и скажем, что ему два, но скоро будет три. А что выглядит малость крупновато – так это доктор прописал неудачную кашку! – предложил он.

– Не смешно, клоун! – отчеканила Зозо. – Это ты жирный, потому что тебе прописали не ту кашку! Так ты поможешь мне или нет? Да или нет?

– Да запросто, – согласился Хаврон. – Морду из ревности набить – это ж одно удовольствие!

Зозо встревожилась.

– Морду бить никому не надо! Леонид очень ранимый. Это должна быть очень тихая сцена ревности! Очень деликатная! Когда твой друг будет кулаком по столу стучать, надо, чтобы это было совсем нежно! Чтобы даже сахарница не подпрыгнула! Наша задача не пугать его, но стимулировать на определенные действия.

Эдя усмехнулся. Задание начинало казаться ему интересным.

– Ранимый, говоришь? Ну-ну... Сколько ему лет? – спросил он.

– Тридцать девять.

– Давай копать глубже! Он пьет, твой зубодробилкин? – допытывался Эдя, стабильно испытывавший к женихам сестры психиатрический интерес.

– Нет, – растерянно сказала Зозо.

– Подозрительно. Не зашитый, не кодированный?

– Нет.

– Хм... Значит, деньги копит? Дачу строит?

Зозо испугалась. Дачников она боялась больше, чем маньяков. От маньяка еще можно убежать. От дачника же скрыться невозможно.

– Фу, какой ужас! Нет! – сказала она поспешно.

– Не бабник? Одна жена в Мытищах, другая в Канаде?

– Нет. Леонид вообще не был женат.

– Тогда спортсмен? По пятницам футбол с друзьями, по субботам баня? Во время чемпионатов мира отключает телефон и спит в обнимку с телевизором?

– Нет.

– Может, турист? Байдарка, велосипед? Три тысячи фотографий одной-единственной горы, которая успела надоесть всем еще до того, как открыли альбом?.. Или автомобилист? Пачки автожурналов в туалете? Зимние покрывки на балконе?

– Нет, – отвечала Зозо виновато.

Она уже читала в глазах брата приговор своему позднему счастью. Эдя задумался, качая головой. Он все никак не находил зубодробилкину подходящей схемы, и это его злило.

– А мамочка у него есть? Непрерывно названивающая? Давящая своей заботой как подушкой? Уверенная, что надеть на ее сына обручальное кольцо недостойна даже английская королева?

– Мама где-то в другом городе. Созваниваются раз в неделю, не чаще, – сказала Зозо.

– А когда напьется – хвастается? Рассказывает, какой он крутой, умный, пробивной и так далее?

– Опять двадцать пять! Я же сказала, что он вообще не пьет! – рассердилась Зозо.

– И не хочет ничего?

– Ничего, – горько признала Зозо. – Просто ходит.

Эдя покачал головой.

– Гм... странный он, твой Бурлаков. Никак его суть ухватить не могу. Скользкий тип. И где таких уродцев находишь? Не молчи, я понял: еще одна жемчужина из Интернета!

– Он не уродец! – оскорбилась Зозо. – Он просто еще не раскрылся! Творческие люди созревают поздно!

– Чушь! Поздно созревают только зимние сорта яблок. Если мужчина не раскрылся до тридцати лет – значит, он бракованный.

– Сам ты бракованный, Хаврон! Пошлый, мерзкий, циничный завистник! – крикнула Зозо. – Так ты сможешь или нет?

Припертый к стене, Эдя неохотно кивнул.

– Ну и когда тебе нужен весь этот цирк? – поинтересовался он кисло.

– В субботу. У тебя уже есть кто-нибудь на примете?

Взгляд Эди, скользнув по залу, коснулся невысокого, краснолицего и плотного мужчины с воинственно торчавшей щеточкой усов. Одетый в темный костюм, упомянутый субъект стоял у входа и, скрестив на груди руки, строго смотрел на веерную пальму, точно желая убедиться, что она не забыла заплатить за гумус и биоудобрения. Бедная пальма поджималась и дрожала листьями.

– Бывший борец-разрядник, а ныне сотрудник службы безопасности, тебе подойдет? – спросил Эдя коварно.

– А он выглядит презентабельно? – спросила Зозо.

– Он выглядит внушительно. Взгляни! – заверил ее Эдя, пальцем показывая, куда смотреть.

Зозо осторожно повернулась и осталась довольна не сколько усами, столько костюмом.

– Но учти, если твой планктон сбежит, меня не пилить! Не моя была идея! – невинно добавил Эдя.

– Сама разберусь! Только пусть твой знакомый не особенно его пугает!

– Не беспокойся! Он будет не страшнее, чем Баба-яга на елке для дошкольников! – заверил ее брат.

Коварную ухмылку он спрятал на дне души, завалив ее для маскировки мелкими родственными дрызгами и житейскими претензиями.

– А у тебя-то как с личной жизнью? – спросила Зозо, для которой этот аспект жизни всегда был самым важным.

Эдя обладал редким даром ускользать от неприятных вопросов, ухитряясь размывать самую их суть.

– Личная жизнь – это жизнь личности. То же, что ты называешь личной жизнью, – это фантик от пустоты с заездом в ничто, – нравоучительно проговорил он.

Зозо непонимающе моргнула.

– Встречаешься сейчас с кем-нибудь?

– Нет. Я боюсь красивых женщин. Вдруг она откроет рот, а там ничего, – пояснил Эдя.

– Где? Во рту? – не поняла Зозо.

– В голове. И в сердце. Хотя за красивые зубы порой прощаются даже гнилые мозги. Кстати, ценная рекламная мысль! Подари ее своему зубодробилкину! Пусть утешает его клиенток.

Зозо рассеянно кивнула. Она была человек практики, и все минимально теоретическое от нее мгновенно ускользало. Она порывисто вскочила, благодарно поцеловала брата и упорхнула влачить свой офисный плен, в тоскливую темницу, где решетками служили стеллажи с папками, а единственным окном – монитор компьютера. Были у нее в офисе и свои приятели – например, пузатый, круглобокий принтер, выплевывающий горячие, свежеиспеченные странички. Имелся и враг – синий, похожий на коробку шредер, превращающий труд предыдущих дней в совершенное ничто. В такие минуты бесполезность собственной деятельности ощущалась особенно остро.

В чем счастье? Продать кучу запчастей к тракторам – и вечером забыться беспокойным сном?

* * *

Зозо Буслаева не успела добежать до офиса, когда неожиданный звонок заставил ее схватиться за сумочку и начать рыться в ней в поисках телефона.

– Привет! Я никак не мог до тебя дозвониться! – сразу втиснулся ей в ухо торопливый мужской голос.

– Привет, Леля! Я была в подвале! Там связи нет! – прошептала Зозо.

При всем своем воображении она не могла придумать другого ласкового сокращения для имени «Леонид». Параллельно Зозо испытывала суеверное смущение. Еще бы – только что говорила о человеке, расставляла ему марьяжные сети, и тут – чик! – звонок.

– Как ты? – спросил Бурлаков.

– Все как обычно, – сказала Зозо, привычно удивляясь этому бессмысленному мужскому вопросу.

Если рассказывать «как ты?» подробно, на это уйдет двое суток. Если же непдробно, то в простом «нормально» нет ровным счетом никакого смысла. Женщины это понимают. Мужчины – нет.

– У тебя планы на субботу не изменились?

Зозо насторожилась.

– А что? Отменяется?

– Да нет, не отменяется. Просто хотел уточнить! – заверил ее Бурлаков. – Слушай, хотел тебя о чем-то попросить... ах да... не могла бы ты захватить с собой молочный зуб своего сына? Не сохранился случайно?

Зозо споткнулась на ровном месте.

– Молочный зуб Мефа? Зачем тебе? – перепросила она недоуменно.

– Да пишу я тут одну работку про минерализацию детских зубов... Надо побольше образцов.

– А-а, ну конечно! – с облегчением сказала Зозо. – Обязательно принесу! У меня, кажется, был передний. Ну где новый потом откололся... Только с возвратом, да?

– Само собой! – пообещал Бурлаков.

Они поболтали еще немного, но при этом заметно было, что все главное уже сказано и разговор сползает к финалу. Попрошавшись, Леонид Бурлаков отключил мобильный телефон.

– Ай-ай! Не очень-то ты естественно говорил, – улыбаясь, укоризненно попенял маленький гнутый человек с зубоучебного кресла.

Бурлаков облизал губы.

– Я нервничал, – признался он.

– Ну-ну, дружок! – ободряюще сказал гнутый. – Какие могут быть нервы с нашим-то масштабом? Человек – это звучит гордо! Мы шагаем по галактикам, задувая звезды! Разве не так?

Ирония Бурлакову не понравилась. Не для того он четыре года занимался медитацией, подвешивал к лампе амулеты и гладил лысых индийских божков по ожиревшим пузикам, чтобы над ним смеялись. Именно во время медитации и вышагнул к нему из алого круга вокруг лампы странный, точно из пористой глины вылепленный человечек. Очень вкрадчивый, очень гибкий.

– Я знаю о тебе все! – сказал тогда человечек. – Твоя судьба передо мной как на ладони! В позапрошлой жизни ты был лошадкой! Небольшой такой лошадкой, ближе к пони. В прошлой – тайваньским крестьянином. В следующей, возможно, ты станешь президентом объединенных Америк или, на худой конец, королем Норвегии. Но это при неблагоприятном раскладе. А так – меть выше! Что там какой-то король!

– Что, правда? – обрадовался Бурлаков.

– Разумеется! Ты имеешь для этого все задатки и отлично это знаешь! Но пока – увы! – придется немного поработать.

Потом человечек стал требовать от Бурлакова всяких мелких услуг, и всякий раз Леонид их исполнял. К сожалению, с каждым разом человечек становился все наглее и все реже напоминал Леле, что тот уже без пяти минут президент всех Америк. Бурлакову это не нравилось, но он слишком увлекся, чтобы остановиться.

Человечек с мелкими зубками, сидевший в кресле, ухмыльнулся и задиристо брызнул в Леонида штучкой для ополаскивания рта. На миг бедному зубодробилкину показалось, что мягкое пришибленное лицо и глазки с несвежими белками, внезапно надвинувшись, прогорклой кухонной мочалкой коснулись его сердца.

– Значит, в субботу встречаемся? Как только зуб будет у меня? – спросил Бурлаков взволнованно.

– Как только, так сразу! Только свистните, ваше величество!

Собрав узкие губы в трубочку, человечек подул на пальцы. За спиной у Леонида сам собой включился зуболюбительский бор. Бурлаков нервно оглянулся. Когда он вновь перевел взгляд на кресло, человечка с мятым лицом на нем уже не было. Само же кресло пахло несвежим бельем, на неделю забытым в корзине на стиральной машине.

Недавний же гость Леонида уже шагал по Камергерскому переулку, озабоченно вглядываясь в тучи, не мелькнет ли где боевая двойка златокрылых.

Тухломону не требовался телефон, чтобы связаться с тем, кто его послал. Не прошло и минуты, а тот уже сам возник перед ним, красивый, молодой и небрежный, как античный бог.

– Почему нельзя было просто его выкрасть? Всего-то и делов: обыскать квартиру! Да я и так знаю, где он лежит, – полюбопытствовал Тухломон, сообщив о результатах встречи с Бурлаковым.

– *Красть нельзя. Важно, чтобы зуб дала мать*, – услышал Тухломон краткий ответ, вползший к нему в ухо, точно могильный червь.

Глава 4

Пни себя сам, тогда не пнут другие

Надо им как-то культурно, мягко и без мордобоя объяснить, что жизнь человека – это не только права, но и обязанности. А права качать всякая сволочь может.

*Диалоги златокрылых.
Неформальное совещание*

Отогнув строительную сетку, скрывавшую резиденцию мрака на Большой Дмитровке, 13, Мефодий и Дафна услышали жалобное повизгивание. Верещал толстый кокетливый суккуб с татуированным ухом, лбом которого сердитый Петруччо Чимоданов прибывал к двери бумажку:

«Приема!!! нет!!! касается! всех!!!»

Судя по завышенному количеству восклицательных знаков в самых неподходящих местах, бедного Чимоданова порядком утомила канцелярская рутина. Вбив лбом суккуба последнюю кнопку, Петруччо отпустил его загривок и только после этого соблаговолил заметить Мефодия и Дафну. Брови у него топорщились, как ежиные колючки.

– Привет! – сказал Меф.

– Взаимные приветствия! – без особого восторга отозвался Петруччо.

Он вскинул колено, технично вывел бедро и хорошим ударом под пятую точку объяснил суккубу, что его больше не задерживают. Суккуб вылетел наружу сквозь прорезь в сетке, но тотчас вскочил, отряхнулся и кокетливым зайчиком запрыгал к метро, бросая влажные взгляды на прохожих.

– Жалкий он. И жалко его, – сострадательно сказала Даф, успевшая немного отвыкнуть от обычных в канцелярии мрака порядков.

Едва она сказала это, как толстый суккуб мгновенно обернулся и, высунув язык, страстно и с вызовом облизал синеватые губы. Дафна передернулась и зареклась впредь жалеть суккубов, какими бы несчастненькими они ни казались.

Чимоданов придержал дверь резиденции, пропуская Мефодия и Дафну внутрь.

– Если к Арею, ищи не в кабинете! Он в твоей бывшей комнате, – сообщил он Мефу.

Буслаев встревожился. Что он там, интересно, делает? Хотя у Петруччо это, наверно, спрашивать бесполезно.

– Не знаешь, зачем он меня позвал? – спросил Меф.

Как прежде Мошкина, вопрос поставил Чимоданова в тупик. Должно быть, не меньшее недоумение испытал древний изобретатель каменного топора, когда у него потребовали техническую документацию на его изобретение.

– Без понятия, – сказал он.

Оказавшись в резиденции, Меф с интересом осмотрелся. В приемной все было как обычно. На секретарском столе успела образоваться гора неразобранных бумаг. В отсутствие Улиты первую скрипку в канцелярии играла Ната. Она прохаживалась из угла в угол и поглядывала по сторонам. Ее лицо показалось Мефу изменившимся, причем не в лучшую сторону.

Кажется, Нату постепенно постигала судьба попкорна. Как кукуруза в раскаленной печи, она вздувалась от пустоты и взрывалась от лени. Недаром Эссиорх как-то сравнивал душу человеческую со стаканом. Если вылить из нее свет, она мгновенно заполнится тьмой. Мироздание не терпит пустоты.

Увидев Мефа, Ната мельком улыбнулась ему и тотчас, изображая деятельность, заорала на Евгешу:

– Ну где она? Где? Куда мне договора подшивать?

– Не знаю! Тут вроде лежала, а теперь нету.

– Мошкин, ты уникам! Ты единственный за всю историю мрака ухитрился посеять нетеряющуюся папку с документами!

– А она была нетеряющаяся, да? – поникая головой, привычно засомневался Евгеша. Ната яростно фыркнула.

– Мошкин, ты правда дурак или прикидываешься? Я порой думаю, что ты нарочно играешь в мазокатора!

– А кто такой «мазокатор»? – заинтересовался Евгеша.

Полученный от Наты ответ его не порадовал.

– Серединка между мазохистом и провокатором. Представь себе дурня, который постоянно ставит любимую чашку на край стола, чтобы потом поплакаться, что ее разбили!

Меф привычно поднялся на второй этаж. Дафна шла за ним, чувствуя вязкое сопротивление тьмы, которой была пронизана вся внутренность старого дома. Тьма незримо налипала на нее, кристаллизовалась в виде десятков мелких страхов и скверных помыслов, и уже несколько мгновений спустя Дафна ощутила себя внутренне захватанной и нечистой. Она испытывала омерзение, подобное тому, которое испытывает нормальный человек, когда заходит в крайне грязный и загаженный загородный туалет.

«И как я жила здесь? Это же просто клоака!» – подумала она с ужасом и мысленно, не прикасаясь даже к флейте, воспроизвела короткую маголодию света.

Тьма на секунду трусливо отпрянула, заметалась, но тотчас вновь принялась жалить, как раззадоренный осиный рой.

Меф постучал. Ему никто не ответил. Тогда, толкнув дверь своей бывшей комнаты, Мефодий вошел. Дафна хотела скользнуть следом, но не успела. Дверь с пушечным грохотом захлопнулась у нее перед носом. Дафна потянулась к ручке, но ручка дрябло провисла у нее в ладони. Дафна осознала, что держит в руке дохлую, почти разложившуюся змею, и с омерзением, отпустив ее, отскочила назад.

Сгоряча она схватилась за флейту, но, одумавшись, опустила ее. Здесь, в резиденции, мрак в своем праве. Если Арей не хочет впускать ее, прекрасно. Пусть не впускает. Истерикам мрака можно противопоставить только спокойное упорство.

Решив, что дождетсЯ Мефа здесь, Даф опустилаС на стул. Держа руки на рюкзаке с выглядывавшей из него флейтой, она со скрытым одобрением наблюдала, как Депресняк раздирает когтями диван, занимавший пространство между дверями комнат Наты и Чимоданова. Внешне диван был самый обычный, массовой серии, из тех, под опускавшимися крышками которых любят прятаться дети. По темной немаркой ткани разбегались серебристые нити.

– А вот мебель, солнце мое, портить не надо! В Москве не так много подобных диванов, – послышался рядом вкрадчивый голосок.

Даф обернулась и увидела Тухломона. Комиссионер стоял у лестницы и, точно суслик, поджав ручки, укоризненно смотрел на нее.

– Ну и кого на нем пристрелили? – с гадливым любопытством спросила Даф.

Тухломоша попытался обидеться, но не сумел за полным отсутствием каких-либо истинных эмоций.

– Никого, – сказал он.

– Тогда задушили?

– Зачем сразу задушили? Обижаешь, лапочка! Это Улиточка с Мамайчиком у нас падки на такое внешнее зло. Одному взорванную машинку подавай, чтобы на руле кишки болтались, другой кроватьку с балдахинчиком, на которой закололи графиньку. По мне, так это все дешевка. Этот диванчик послаще будет для понимающих. На нем один человек предал своего лучшего друга. Причем предал совсем мимолетно, без усилия, без внутреннего сопротивления,

даже сам от этого ничего не выиграл. Просто так. А тот другой, чью тайну рассказали, потом на всю жизнь потерял всякую веру в дружбу, в добро, вообще в людей. Разве не прекрасно?

– Ты, конечно, подтолкнул? – спросила Даф.

Тухломон изобразил на лице такое искреннее негодование, что сам себе поверил.

– Не буду хвастаться. Не я. Но в том-то и вся прелесть, что не я! Бывает, науськиваешь, науськиваешь человека к совершению какого-нибудь поступка – и никак. Уж и созрел, кажется, а все ручки растопыривает, ломается и в печку не лезет! А тут вдруг такой сюрприз! В самую грязючку да чистенькой мордочкой! Без всякого понукания! Добровольно! Ай! Что ты творишь, идиотка!.. Да ты вообще соображаешь, психопатка светлая, с кем ты связался...

Дафна сердито потянула из рюкзака флейту, выдохнула, и Тухломон тонким пластилиновым слоем размазался по ступенькам. К сожалению, здесь, в резиденции, маголодии выходили ослабленными, и уничтожить комиссионера ей не удалось.

– Ты, гадючка светлая, скоро вспомнишь Тухломошу! И Буслаев твой вспомнит! – мстительно проквакал прорезавшийся на верхней ступеньке рот.

* * *

Меф стоял посреди комнаты, оглядываясь и не понимая, где Арей. Комната казалась пустой и мертвой. Пол был покрыт нехоженой пылью. «Книга Хамелеонов» продолжала лежать на подоконнике. На кровати, где Меф бросил их в прошлый раз, валялись алебарда, пика, два лука – один английский и один монгольский – и куча всякого другого барахла. Похоже, только Мошкин взял подаренные ему шест и арбалет. Топор же, который он оставил Чимоданову, валялся рядом с разнесенным этим топором в щепки стулом.

«Ага, подарок не понравился. Ну вообще-то глупо обижаться. В топорах он лучше разбирается», – подумал Меф.

Прикинув, что давно не держал в руках лука, он взял его и потянул из колчана стрелу. Он уже накладывал ее на лук, когда слепая волна тревоги захлестнула его. Материализовать меч он уже не успевал. Меф резко повернулся, зачем-то пытаясь натянуть лук, но уже понимая, что это бесполезно. Он безнадежно опоздал. Тусклый, выщербленный клинок застыл в двух пальцах от его лба. Продержав его так секунды две, Арей ударил Мефа рукоятью меча в живот и заставил свой меч исчезнуть.

– И эта вялая амеба – мой ученик! Ты деградируешь стремительнее, чем я предполагал. Еще немного, и любая скупающая фурия забьет тебя костью, – сказал Арей.

Воздух презрительными толчками вырывался сквозь его разрубленный нос. Согнувшийся Меф кашлял на полу. Потом разогнулся и сердито отбросил лук.

– Вы напали без предупреждения, а у меня были заняты руки! – оправдываясь, сказал он. – Только мультяшные эльфы стреляют из лука в упор!

Губы Арея тронула усмешка.

– Скорости не будет, согласен, но чуток подранить, выиграв пару секунд, чтобы доработать дядю отточенной железкой, можно и так. Опять же нежно ткнуть стрелой можно и вообще без лука. И почему ты не ушел с линии атаки? Не надо геройски ловить брошенный в тебя кирпич! Достаточно уклониться, чтобы он в тебя не попал.

Меф посмотрел на дверь.

– Где Дафна? – спросил он обеспокоенно.

– Я попросил ее немного подождать снаружи. Девушка в серьезном мужском разговоре так же нежелательна, как летящий в лицо торт в постановке шекспировской трагедии, – заверил его Арей.

Меф понял, что еще немного, и он окончательно утратит инициативу. Рядом с Ареем он вечно ощущал себя молоденьким петушком, который пытается, взлетев на забор, дерзко прокукарекать на пролетающего орла. Но все же Меф решил попытаться кукарекнуть.

– Вы хотели поговорить со мной. О чем? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

– Да ни о чем особенно. Я просто решил поработать почтальоном. Тебе письмо, – сказал Арей, протягивая Мефу свиток.

– Он вскрыт, – удивленно произнес Меф, взглянув на печать.

Бровь Арея с вызовом дрогнула.

– И что из того? Да, я вскрыл и оправдываться не собираюсь. Что-то я не припомню правила мрака, запрещающего читать чужие письма.

Меф развернул свиток и увидел высокие щеголеватые буквы, окруженные мелкими брызгами чернил.

«Дорогой Мефодий!

Очень неудобно тревожить тебя такой мелочью, но ты изменил мраку, и мрак передал мне права на твой клинок. Прошу немедленно вернуть его мне с этим курьером.

С неизменным уважением,

Гопзий Руриус Третий»

Меф на всякий случай огляделся. Никакого курьера он не увидел, что было неудивительно, так как, судя по дате, письмо было доставлено еще неделю назад.

– Что за бред! Мрак передал кому-то права на мой меч! Такое возможно? – недоверчиво спросил Меф.

Арей расхохотался.

– Очнись, синьор помидор! Ты наивен до тупости! Задумайся, что у тебя в руках? Меч тьмы! Как ты носишь его, если ушел из конторы? Лигул вправе найти ему нового хозяина. Пусть свет выдаст тебе какую-нибудь списанную флейту, если ты боишься ходить безоружным.

– Не хочу я флейты! Я хочу мой меч! Пусть Лигул отвалит! Когда-то мой клинок принадлежал Древниру, а Древнир не тьма! – крикнул Меф, начиная горячиться.

Дафны рядом с ним не оказалось, и некому было успокаивающе коснуться его локтя. Упоминание имени Древнира не произвело на Арея особого впечатления.

– Что из того, даже если так? Когда-то и стражей мрака не существовало. Да и Лигул не всегда был уродливым горбуном... Одним словом, не важно, чем этот меч когда-то являлся! Важно, чем он является теперь.

Меф упорно не желал сдаваться. Сама мысль, что надо расстаться с мечом, казалась ему нелепостью, чушью, чем-то совершенно невозможным. Он материализовал меч, взвесил его на ладони, скользнул взглядом по чуть отколотому окончанию клинка и вновь заставил меч исчезнуть. Доставать оружие просто так – привычка вредная и глупая. Недаром настоящие самураи резали себе палец всегда, когда доставали меч без намерения пустить его в дело или хотя бы потренироваться.

– Меч вообще нельзя передавать! Никто посторонний не сможет к нему прикоснуться! Он не дастся никому, даже вам! Мы с ним связаны навеки! – сказал Меф.

С этим Арей не стал спорить.

– Я в курсе. Но всякое правило имеет исключения. Если ты обидишь свой меч, или оскорбишь его, или даже просто мысленно отречешься от него – ваша связь нарушится. В этом случае меч преспокойно может быть передан Гопзию и будет служить ему не менее верно, чем служил тебе. Увы, это так.

– Я не стану оскорблять свой меч! Ясно вам? – сказал Меф, воинственно деля шаг навстречу Арею.

Барон мрака миролюбиво положил ему руки на плечи. Темные, с проседью усы шевельнулись.

– Тш-ш! Перестань на меня кричать! А то я испугаюсь, задрожу и спрячусь под стул!.. Не хочешь отдавать – не отдавай. Я лично тебя не уговариваю.

– То есть как не отдавай? Но вы же только что сами говорили, что... – озадачился Меф, вконец сбитый с толку.

– Говорил-то говорил, но ты, как всегда, не дослушал. Я бы первый огорчился, если бы мой ученик добровольно отдал меч. Унижение ученика – это унижение учителя. Поэтому я и написал Гопзию от твоего имени, что он может проваливать к собачьей бабушке.

– Прямо так и написали? – поразился Меф.

Арей прищурился.

– Слово в слово. И даже уже успел получить ответ! Держи!

Рука Арея скользнула в карман красного халата, и Мефу был вручен еще один свиток. Тоже, разумеется, вскрытый.

«Буслаев!!! Дохляк, трус, мелкая дрянь! Знаешь ли ты, кто я? Еще раз повторию: верни меч, или я поймаю тебя и высеку на глазах у твоих светлых покровителей! Гопз».

– Надо же, как расписывался! Даже подписаться не смог нормально. Буковки так и прыгают! Я всегда утверждал, что мы, стражи мрака, не выносим критики! Хотя, признаться, я не особо стеснялся в выражениях. Да и подделать твой почерк мне удалось просто прекрасно! Это на случай, если Гопзий выудит в Канцелярии какой-нибудь твой отчет, чтобы их сличить, – сказал Арей, заглядывая Мефу через плечо.

– И на это письмо вы тоже ответили от моего имени? – спросил Меф подозрительно.

Он понял уже, в какую историю его втравили. Вкратце то, что сделал Арей, называлось: «Ату, собачки! Скушайте друг друга, а я посмотрю!»

Барон мрака удрученно вздохнул.

– Разумеется. Как я мог поступить иначе? Надеюсь, ты простишь мне это маленькое самоуправство? Мне подумалось, что не стоит отвлекать тебя такой мелочью... Кстати, ответ пришел сегодня утром. Держи!

Еще один свиток, на этот раз третий, скользнул в ладонь Мефа.

«Вызов принят. Об условиях договорятся наши секунданты!

Гопзий Руриус Третий».

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросил Арей.

– Думаю, что вы поступили по-свински.

Мечник гневнодохнул серой.

– Ого, как смело! Не нарывайся, мальчик, а то Гопзию некого будет убивать... Разве не ты говорил, что не собираешься отдавать меч?

– Я и не собираюсь.

– Вот ипусти его в дело, раз так! Докажи, что достоин артефакта мрака! Поверь, другого выхода нет. Неужели ты думаешь, что есть другой способ сохранить меч?

На глаза Мефу попала алебарда. Слишком громоздкая для комнаты, с длинной рукоятью, она казалась здесь чужеродной, точно медведь в городской квартире.

– Кто этот Гопзий Руриус Третий? Хороший боец? – спросил он.

Задавая вопрос, Меф не учел, что Арей был из тех, у кого не просто заслужить комплимент.

– Кто? Он? Да ничего подобного! Когда-то он считался седьмым или восьмым клинком мрака. Но потом я одолел Хоорса и еще кое-кого по мелочи, так что его рейтинг несколько вырос. Теперь он, должно быть, четвертый или пятый, – пояснил мечник небрежно.

– Так, значит, сражаться Гопзий умеет?

– Ну разве что на амебном уровне... Стражей тридцать или сорок он все же убил, не считая светлых с флейточками, которых он убивал уже не для души, а по работе, – неохотно признал Арей.

Он оценивающе взглянул на Мефа, поскреб желтоватым ногтем щеку и добавил:

– Да чего уж там... Сражайся вы сегодня, я ни на минуту не усомнился бы, кто останется стоять, а кто ляжет. Сказывается отсутствие постоянной практики. Остаточные рефлексы у тебя еще сохранились, но расхлябанность и общее влияние светленьких глушит в тебе здоровые инстинкты убийцы. Хотя есть еще время, чтобы чуток подтянуться и умереть более-менее достойно...

– Много времени? – быстро спросил Меф.

– Месяц. До двадцать девятого ноября... Ну что, не раздумал расстаться с мечом?

Буслаев упорно попытался не пропустить внутрь страх, зная, что, если позволит малейшему сомнению просочиться, оно будет разъедать его изнутри и обессилит еще до начала боя.

– Я буду тренироваться! – сказал Меф.

Арей отнесся к его намерению с известной долей скепсиса.

– Тренироваться? С кем? Со своей светленькой? Или тренировкой ты называешь утреннюю пробежку вокруг ближайшей помойки?

– Ну... я... – растерянно начал Буслаев.

Арей нетерпеливо дернул пальцем, и язык во рту у Мефа одеревенел.

– Прекрати блять! Тренироваться надо не просто ежедневно! Тренироваться надо непрерывно, до кровавых мозолей на руках! До ненависти к собственному мечу, чтобы на него смотреть уже не хотелось. Даже ночью, когда ты отключаешься от усталости, надо продолжать наносить удары. Укол – рубящий удар – уход – отбив – укол. Все остальное – это секция общефизической подготовки для пенсионеров и беременных женщин. Ты понял?

Меф молчал. Он безуспешно пытался шевельнуть твердым занозистым языком и всем сердцем сочувствовал магу второй категории Буратино, который прожил с таким языком всю жизнь вплоть до неудачных пиротехнических опытов, предпринятых в 1522 году в Милане магом Арте Моном.

– Выход один! – решительно сказал Арей. – Этот месяц ты проводишь со мной. Я продумаю, какую тактику тебе выбрать с Гопзием, чтобы впредь у него отпало желание задирать моих учеников. Ну! Я жду ответа: «да» или «нет».

Меф замычал, однако Арей каким-то образом уяснил, что его мычание означает «да».

– Ну вот и договорились! – сказал он, щелчком пальцев возвращая Мефу речь. – Значит, мы отправляемся в Питер немедленно.

– В ПИТЕР?? – переспросил Меф.

После письма от Троила известие о Питере показалось ему совсем неслучайным. Да и во взгляде Арея, почудилось ему, мелькнуло нечто, что Мефу сложно было понять. Точно к привычному, снисходительно-покровительственному отношению примешалось нечто еще.

– Именно в Питере ты будешь через месяц рубиться с Гопзием. Мы же едем туда уже сейчас, чтобы начать подготовку на месте. Улита должна была приготовить временную резиденцию... А что, у синьора-помидора какие-то сложные отношения с Питером?

Меф поспешно замотал головой, уверяя, что отношения с Питером у него самые что ни на есть замечательные.

– А Дафна? – спросил он.

Арей в задумчивости провел изрубленной ладонью по лицу.

– Так и быть. Светлую возьмем с собой.

– Вы серьезно?

– Должен же кто-то кормить тебя супиком? От Улиты такой милости точно не дождешься. Как многие упитанные люди, она признает только один рот, достойный полной ложки.

Когда Меф спустился, Дафна стояла рядом с Чимодановым и терпеливо слушала рассказ о сложностях промышленного производства летучих отравляющих веществ. Заметив Буслаева, Петруччо замолчал и бочком отодвинулся в сторону. Будучи глубинно человеком правильной закваски, он считал, что разговаривать с девушкой в присутствии ее основного владельца дурной тон, даже если тема разговора столь невинна, как летучие отравляющие вещества.

– Мы с Ареем едем в Питер, – избегая смотреть Дафне в глаза, сказал Буслаев.

– А я?

– Ты тоже с нами... Если, конечно, не откажешься.

Меф ощущал вину, что позволил Арею надавить на себя и принял решение за двоих.

Дафна отнеслась к известию неожиданно спокойно.

– Прямо мистическое место этот Питер.

– То есть?

– Не забывай мобильник! Тебе снова звонил Ромасюсик, – сообщила Даф, возвращая Мефу его телефон.

Буслаев напрягся.

– И ты ответила?

– Да. Ромасюсик сказал, что они с Прашей сегодня уезжают... куда бы ты подумал?..

– Тоже в Питер?

– Да. Ромасюсик спрашивал, не составим ли мы им компанию?

Меф поперхнулся.

– А этим туда зачем? – спросил он.

– Ромасюсик объяснил, что Прашечке очень хочется посмотреть на дяденьку на вздыбленной лошадке.

– А, ну да! Мечтала-мечтала, а тут вдруг поднакопила денег и похавала тикет, – сказал Меф, умело поддельваясь под голос Ромасюсика.

Дафна нахмурилась. Как истинный страж света, она ненавидела клоунаду во всех ее проявлениях.

– Не издевайся и не обезьянничай! Это гадко! Всякая обезьяна начинает, как безобидная макака, и заканчивает, как бешеная горилла, – предупредила она.

На лестнице послышались грузные шаги. Арей спускался, держа большую охапку оружия, позаимствованную, насколько Меф мог судить, не только из его комнаты, но и из комнаты Чимоданова.

– Ната, куда вы с Улитой дели брусок для правки клинков? – крикнул он, с грохотом сваливая все на ковер.

– Он у вас в столе, в нижнем ящике.

Брови Арея удивленно поползли вверх.

– В моем столе? Это просто диверсия! Мой стол – это единственное место, куда я не заглядываю!

Мечник направился было к кабинету, но, оказавшись рядом с Дафной, остановился и церемонно поклонился.

– Рад видеть, что все снова в сборе! Все еще спасаешь человечество, светлая девочка с котиком? И как человечество? Рукоплещет? – насмешливо приветствовал он ее.

Дафна демонстративно отвернулась.

– Ну-ну, светлая! Не надо поз! Разве ты виновата, что воспитывалась в Эдеме? У вас там всякому свое место. Пассажир работает пассажиром, ребенок – ребенком, кот – котом и скот

– скотом! А по мне, так все зависит от правил игры, которые выбирает человек. Например, скажет «я дворник» – и вот он готовый дворник. Или скажет «я царь» – и станет президентом! Разве не смело?

– А если скажет «я президент», а останется дворником? Вот в чем проблема. Лучше уж место знать, – глядя в сторону, сказала Дафна.

Ната неуверенно хихикнула и тотчас пугливо замолчала. Спина Арея окаменела. Меф напрягся, приготовившись вступить в заведомо безнадежный бой, если мечник ринется на Даф, однако Арей неожиданно ухмыльнулся.

– Умница, светлая! Так держать! Уверен, нас ждет веселый месяц!

Барон мрака скрылся в кабинете и через несколько минут вышел из него вновь. Кроме бруска, он нес небольшой круглый щит с зазубренными краями и выступающим в центре коротким четырехгранным лезвием, которым он иногда, забавы ради, сражался вместо меча.

– Меф, вызывай Мамаю!.. – отрывисто приказал он. – Светлая, возьми у меня щит и не забудь свою громобойную дудку! Ната, Чимоданов и Мошкин остаются рулить московской канцелярией! Остальные же едут в Питер бряцать там металлоломом!

Глава 5

Петя-с-бургером встречает гостей

Добро, совершенное с раздражением, не награждается, потому что не ради добра совершено. Это все равно как сковородку с картошкой на стол швырять и орать: «Нате, жрите! А кто спасибо не скажет, того этой сковородой по мордасам!»

Неформальные разговоры златокрылых

Начинающийся сразу за билетными кассами огромный зал Ленинградского вокзала был весь залит светом. Под известным памятником встречались толпы школьных экскурсий и туристов, выбравшихся в Питер на пару-тройку деньков. Бывалые туристы ощущали себя комфортно. Они сбрасывали в кучу рюкзаки и с радостным выдохом «Уф!» сами радостно кидались сверху.

Тинейджеры от возбуждения галдели, сбивались в стайки и делали вид, что не узнают своих стоящих в двух шагах родителей. Мамы и бабушки, напротив, не желали понимать сложного баланса отношений внутри класса и пытались к своим пятнадцатилетним чадам то вытереть салфеткой нос, то застегнуть «молнию», то в последний раз попросить не выключать сотовый даже ночью в поезде.

Тинейджеры тихо шипели, отворачивались и старались незаметно отфутболить близкого родственника домой. Причем наибольшие эмоциональные взбрыки, вплоть до попыток незаметно укунуть поправлявшую волосы руку, позволяли себе именно самые неуверенные и зажатые. Прочие же относились к заботам довольно пристойно и даже благодарно.

«Занятое наблюдение! Чем громче кто-то вопит на домашних, тем тише пищит среди ровесников», – подумала Ирка.

Изредка то одна, то другая экскурсия, точно перезрелый плод от ветки, отрывалась от памятника и тяжело катилась к поезду. Сзади обычно бежали две-три мамули и, заламывая руки, безнадежно стонали:

– Умоляю тебя: только не ходи в Питере без шапки! Там такие ветры, а у тебя гайморит!

Поглядывая на круглую голографическую наклейку на билете, Ирка уже миновала памятник, когда к ней метнулась строгая дама учительского вида.

– Девушка! Остановитесь! Посмотрите на меня осмысленно! Вы из группы «А»?

– Нет. Из группы «Б»! – машинально брякнула Ирка.

– Ваша «Б» вон там собирается! – немедленно сказала решительная дамочка и крайне оскорбилась, когда Ирка отправилась в противоположную сторону.

– Девушка из «Б», куда вы? Посмотрите на меня осмысленно! Вы там что, в «Б», все такие? – переживательно закричала она ей вслед.

Вскоре после этого Антигон, путешествующий под привычным мороком дитяти, внезапно оглянулся, приотстал и, со всего разгону врезавшись в Ирку плечом, буквально вбил ее в стеклянный магазинчик периодической печати.

Если валькирия-одиночка не сшибла стеллаж с газетами, то только потому, что он был намертво вделан в пол и падать ему было некуда.

– С ума сошел? – закричала Ирка на кикимора.

Антигон на мгновение выглянул из магазинчика и решительно затолкал Ирку за стеллаж.

– Тшш! Спрячьтесь, хозяйка! Не стойте у входа!

– Зачем? Из-за этой группы «Б», что ли? – не поняла Ирка.

– Молчите, хозяйка, и смотрите туда! – велел Антигон, подпрыгивая, чтобы раздвинуть газеты на уровне Иркиного лица.

Одиночка послушалась, но видела лишь непрерывный пестрый поток отъезжающих.
– Истинным зрением, – деликатно подсказал Антигон.

Спохватившись, Ирка с усилием переключила сознание. Спустя несколько мгновений она заметила медленно приближающееся серое пятно. Ирка увидела мутную неплотную фигуру, сотканную из тумана, которая точно ощупью ползла по вокзалу, изредка протягивая серую прозрачную руку и касаясь то одного, то другого лица. По руке шла рябь. Человек вздрагивал, на секунду замирал, недоуменно озирался, точно пытаясь понять, что произошло, и двигался дальше.

Самым неожиданным было то, что время от времени Ирке казалось, будто фигура не одна, а их по меньшей мере шесть или семь, но все они стиснуты в одну точку пространства и плотно наложены друг на друга. Путаясь, Ирка встряхивала головой и вновь понимала, что фигура одна.

Странное наваждение нашло на Ирку. Ей захотелось вдруг поджечь в киоске газеты и с хохотом убежать. Остановили ее только отсутствие зажигалки и общая безумная бессмысленность желания, которую она все же осознавала.

Оказавшись напротив киоска, существо ненадолго зависло, повернуло круглое, лишенное черт лицо в их сторону, а затем, брезгливо отпрянув, быстро заскользило дальше, к перрону. Ирка ощутила мало с чем сопоставимое облегчение.

– Видели, хозяйка? – выдохнул кикимор.

– Да. Кто это был?

– *Лишенец*.

– Кто такой *лишенец*?

Антигон пошевелил губами, пытаясь обратить знание в слова. Вместе с губами у кикимора шевелился и нос.

– Ну... он это... существо из Тартара. Страж без эйдосов и дарха. Изгой, которого мрак за что-то наказал, спрессовав его еще с несколькими такими же бедолагами. Мрак, когда пытается за кем-то следить или кому-то вредить, сажает лишенца тому на хвост, – пояснил Антигон.

– И у кого он сейчас на хвосте? У меня? – спросила Ирка с нехорошим предчувствием.

Антигон всеми пятью пальцами нырнул себе за ворот и энергично поскреб грудь.

– Похоже, что нет, гадкая мерзайка! Я просто почувствовал, что лишенец рядом, и решил, что вам лучше спрятаться. А за кем он следит, это я натурально без понятия. Не моего сермяжного умишки это делишки!

– И что, от тартарианского лишенца можно спрятаться в закутке за газетами? – искренне усомнилась Ирка.

Кикимор хихикнул.

– Если бы! Газетки – это так, в шпионов поиграть. А сюда он не сунулся, потому что булава моя на пороге лежала. Вот она ему чутье и перебила.

Опустив глаза, Ирка обнаружила на пороге газетного киоска булаву Антигона, залитую слабым сиянием недавней материализации. Не только лишенец, но и пассажиры, по всем признакам направлявшиеся в киоск за журналом в дорогу, отчего-то раздумывали входить и в последний момент круто сворачивали в сторону.

– Значит, через булаву он нас не чувствовал? – спросила Ирка.

– Ну не то чтобы... Просто от булавы моей нежитью тянет. А запах нежити очень сильный для бесплотных существ. Почти что вонь. У них нюх-то тонкий, а булава моя все перебивает. Вот лишенец и застрял весь в непонятках, что тут за хмыриные посиделки. У меня среди родственничков-то кого только не затесывалось!

Ирка кивнула. С этим ей было все ясно.

– А зачем он касался лиц? – спросила она.

– Лишенцы навевают всякие скверные мысли, гнусные, неожиданные. Ну, например, безо всякой причины со всей дури ударить по лицу тихую бабульку. Или съесть окурок с земли. Или выхватить у женщины сумочку и побежать, хотя никогда не занимался ничем подобным. Человек приписывает эти мысли себе и испытывает смертельный ужас. Как это он мог помыслить нечто подобное, запредельно мерзкое? Может, он медленно сходит с ума? Может, к доктору надо обратиться? Лишенец пожирает этот ужас и, подпитываясь им, не проваливается обратно в Тартар. Ну а чтобы понять, что не все мысли твои и на них просто не нужно обращать внимания, до этого еще дорасти надо... У нас же в свет и тьму никто не верит. Зато в энергии всякие, восточные бирюльки и экстрасенсов недоделанных сколько угодно. Такие вот дела, хозяйка!

«Так вот почему мне хотелось поджечь газеты... А ведь меня он даже не коснулся!» – подумала Ирка.

Антигон подобрал булаву, лихо прокрутил ее в руке и заставил исчезнуть.

– Вообще-то лишенцы не должны здесь бывать. Не положено. Совсем мрак охамел. Все подряд нарушает, – добавил он недовольно.

– Позвать златокрылых? – спросила Ирка, запоздало сожалея, что не бросила в *лишенца* копьём.

– Как хотите, хозяйка! Вам решать! Я что? Я ничего! – устранился Антигон.

Как бывшая, а во многом и не бывшая нежить, он относился к златокрылым с опаской.

Посмотрев на часы и прикинув, что до поезда еще достаточно времени, Ирка вызвала златокрылую двойку. Секунд через десять явились два сосредоточенных молодых стража, патрулировавших площадь над тремя вокзалами. Один был под мороком сурового капитана милиции. Другой, видимо, обладавший чувством юмора, обычному зрению представлялся испуганной старушкой в платке, которая из опасения жуликов цепко прижимала к животу сумочку.

«Капитан» подошел к Ирке. «Старушка», будто невзначай держащая в опущенной руке флейту, осталась в стороне, шагах так в семи. Ирка приписала это легкому недоверию, которое многие златокрылые стражи испытывали к валькириям.

– Документики спрашивать будете? – спросила Ирка, пытаясь пошутить.

Златокрылый смотрел на нее серьезно и без улыбки. Ждал сути. Настроившись на деловой лад, Ирка описала ему то, что видела. Страж даже не попытался что-то записать или с кем-то связаться. Только кивнул, спокойно повернулся и пошел к напарнику.

– Эй! Пойдите! – крикнула Ирка. – Я не понимаю! Вы что, не собираетесь ничего делать?

«Капитан» остановился. Повернулся. В глазах у него было бесконечное златокрылое терпение.

– Что вы хотите, чтобы мы делали? – спросил он мягко.

– Ну догонять там. Ловить! Вообще работать! Выполнять свои обязанности! – с негодованием произнесла Ирка.

Златокрылый вздохнул и беспомощно повернулся к напарнику.

– Скажи ты ей. Может, тебя она послушает. Ее, видно, мой морок с толку сбивает, – попросил он.

– Девушка! Вы что, новенькая, что ли? Это же лишенец! Он что есть, что его нет. Его надо было сразу глушить, как увидели. А то сейчас он здесь, а через секунду в Южной Америке, – объяснила Ирке «бабулька».

И, действительно, «бабульке» Ирке было психологически поверить гораздо легче. Видимо, причина действительно состояла в «милицейском» мороке.

* * *

В Питер Ирка приехала ранним утренним поездом. Было даже не темно, а как-то сизо-сыро. В вокзальном динамике простуженно хрипел приветственный марш. Бесснежный, сырой город показался Ирке похожим на размороженную курицу.

Рядом с Иркой шли две девушки. Одна, маленькая и сердитая, как оса, гулко катила по перрону чемодан на колесиках. Другая, высокая и симпатичная, то и дело отставала и догоняла ее короткими перебежками.

– Как ты можешь встречаться с молодым человеком, в доме у которого стоит телевизор? – внушала оса подруге.

– Он его не смотрит! Бабушка смотрит! – оправдываясь, вступилась высокая.

Оса расхохоталась.

– Это он так тебе сказал? Где гарантии? Вдруг он тоже хоть одним глазом смотрит? Ниже, чем в телеканализацию, рухнуть нельзя!.. И вообще, москальская твоя душонка, еще раз обзовешь мой Питер «Петей с бургером», откушу тебе нос!

– А если Ленингрогом? – встревожилась высокая.

– Тогда еще и уши отгрызу! Сказано: Питер! Пять букв! Начинается с парной глухой мягкой, заканчивается сонорной звонкой дрожащей! Уши отгрызу! – решительно отрезала оса.

Ирка покосилась на нее с легким беспокойством. Она справедливо опасалась людей, которые, не нуждаясь в раскачке, становились бодрыми уже сразу, с утра. Да и шутки были подозрительно про одно и то же. Шутки шутками, но когда некая тема повторяется навязчиво часто, тут есть повод задуматься. Граф Дракула, по непроверенным слухам, тоже начинал с относительно невинной привязанности к сырому фаршу.

Рядом с Иркой шагал Антигон, на которого у валькирии-одиночки вчера при посадке в поезд потребовали свидетельство о рождении и еле-еле согласились впустить без него. Вот и сейчас повторилось примерно то же самое.

– Смотрите, какая мамаша наглая! Нет чтобы ребеночка на ручки взять, она ему еще и удочку дала тащить! – с негодованием произнесла какая-то активная бабулька.

Ирка даже остановилась. Удочкой ее копые еще не обзывали. Да и матерью пятилетнего ребенка, под мороком которого часто путешествовал Антигон, нечасто. Заметив на лице своего оруженосца ухмылку, она навьючила на него еще и рюкзак.

– Еще одно «хи-хи!» – и сама тебе на плечи сяду! – предупредила она.

– Спасибо, гадкая маменька! Век не забуду вашей милости! – пропыхтел нагруженный кикимор, кроме копыя тащивший еще сумку с ноутбуком и связку книг. По всезнайской своей привычке валькирия-одиночка вечно читала десяток книг одновременно, причем добрую половину из них кусками и из середины.

У здания Московского вокзала в сизых сумерках стояли двое – молодая женщина в очках, обмотанная уходящим в бесконечность белым шарфом, и мальчик лет семи. Мать, глядя вверх, проводила пальцем извилистую черту, призывая сына обратить внимание на архитектуру. Сын к архитектуре был равнодушен и пытался потерять свой указательный палец в носу.

Ирка улыбнулась. Маму, которая воспитывает гения, видно сразу. У нее почти всегда бывает твердый взгляд, спокойно-вопросительная улыбка и настойчивый голос, менторски всплескивающий и замирающий на конце фразы.

Ирка подумала, что, если у нее у самой когда-нибудь будут дети, она не станет растить их гениями. Разве только научит читать года в три, разговаривать месяцев в семь и... Тпруу! На этом лучше остановиться, а то, пожалуй, и у нее самой скорее, чем она думает, появится такой же шарф.

По длинным проспектам, заглядывая в арки, бродили стылые ветры. Знакомиться с ними Ирка не хотелось. От Московского вокзала до Васильевского острова она доехала маршруткой. Пассажиры бились о зачехленное копые коленями, спотыкались о рюкзак, но не злились, а лишь укоризненно вскидывали на Ирку глаза.

– В Москве бы меня уже убили, – пробормотала Ирка, сравнивая питерские маршрутки с московскими.

Сидевший рядом парень студенческого вида повернул к ней розовое лицо.

– Не-а. В Москве больше орут, но рук не распускают. В Питере орут меньше, но руки распускают значительно чаще, – со знанием дела произнес он.

Наблюдение оказалось точным. Минут через десять, когда парень уже вышел, втиснувшийся на его место здоровяк сердито пнул копые, попутно наступив на лапы Антигону.

– Эй ты, психопатио истериотти! Еще раз так сделаешь, коленки будут гнуться в другую сторону! – предупредил его Антигон.

Здоровяк испуганно взглянул на ребенка, говорившего скрипучим старческим голосом, и на всякий случай отодвинулся.

Ирка мало-помалу просыпалась. Настроение у нее улучшилось, что немедленно сказалось и на восприятии окружающего. Курица сонного утреннего города ожила, разморозилась и зашевелила крылышками.

Нужный дом по Большому проспекту Ирка нашла сразу. Ей даже не представился случай заблудиться. Водитель, которому она назвала адрес, остановился прямо напротив. Ирка вышла и ссадила Антигона, который долго с воплями выдергивал застрявшее между креслами копые. Гильотинная дверь маршрутки хлопнула, и микроавтобус умчался.

Дом оказался последним в ряду, не слишком далеко от портовых кранов. Он был громоздким, длинным. Ввысь не рвался, но на земле стоял прочно, подозрительно поглядывая на мир небольшими, утопленными в массивных стенах окнами.

Прежде чем войти в подъезд, Ирка отыскала площадку напротив бензоколонки, за которой ей поручено было наблюдать. Детская горка, турник. Забытая в песочнице синяя лопатка и несколько пивных жестянок под мокрой от ночного дождя скамейкой. Дневной приют детей с мамами, студентов и смиренных городских пьянчужек. Весь джентльменский набор большого города.

Некоторое время Ирка трепетно созерцала площадку, напряженно ожидая, что сердце проснется и что-то подскажет. Ничего подобного! Сердце молчало и лишь огрызалось, как партизан на допросе.

Подбежала крупная молодая собака, тощая, с ребрами, обозначенными, как на анатомическом пособии. Очень серьезно, не заигрывая и не попрошайничая, она обнюхала Ирку руки и отбежала. Ирка попыталась посмотреть на собаку истинным зрением, но увидела только то, что у собаки блохи, а на задней ляжке следы глубокого, но неплохо заживающего укуса.

Ирка окликнула собаку и бросила ей остатки еды из пластиковой коробки, которую ей дали в поезде. Пес вернулся, внимательно все обнюхал, но съел только сливочное масло.

– А ну пошел отсюда! Собачек небось кормите, а слуга у вас две недели уже не пнутый! – завистливо топая на пса лапами, крикнул Антигон.

Собираясь уходить, Ирка машинально взяла у Антигона копые, сделала шага два и внезапно ощутила, как футляр от бильярдного кия дрябло провис у нее в руке. Первой мыслью было, что копые сломалось в маршрутке, но тотчас по весу Ирка осознала, что причина в ином. В футляре больше ничего нет. Копье, упорно не желавшее исчезать вот уже несколько дней, теперь удалилось само собой.

Ирке захотелось немедленно призвать его, чтобы проверить, отзовется оно или нет, но что-то подсказало, что делать этого не следует. Во всяком случае, не здесь и не сейчас.

Антигон нетерпеливо прыгал у подъезда. Глухая железная дверь была недавно покрашена в серебристо-серый цвет. Причем красили так старательно-зlobненько, что покрасили даже и кнопки домофона. Несколько секунд Ирка соображала, как ей попасть внутрь, после чего догадалась достать ключ, который дала ей Фулона. На брелоке вместе с обычным ключом висел и магнитный. Она поднесла его к домофону, и тот запищал, как голодный птенец, увидевший мамочку.

Подъезд поражал своей масштабностью и одновременно запущенностью. Он был похож на узкий, непропорционально вытянутый кверху пенал. Ступеньки выглядели так, будто им пришлось выдержать минометный обстрел. Ирка на мгновение остановилась, вслушиваясь в сонную тишину подъезда, и решительно двинулась вперед.

Кикимор, тащившийся сзади, с отставанием ступенек на пять, неожиданно издал горлом неясный возглас. Ирка обернулась и увидела, что кикимор исчез.

– Антигон! – окликнула она нервно.

Никто не отозвался. Снаружи кашлял случайными звуками город. Натянутой стальной струной гудел кран в порту. Где-то наверху, довольно далеко, хлопнула дверь. Пока Ирка соображала, каким образом кикимор мог умчаться вперед, кто-то несильно, явно отвлекая внимание, дернул ее сзади за рюкзак. Ирка стала поворачиваться, но тотчас чьи-то холодные ладони закрыли ей глаза.

Валькирия-одиночка всегда считала, что у нее хорошая реакция. Однако чем больше человек уверен в каком-либо из своих достоинств, тем сильнее он заблуждается. Это непреложное правило ей сейчас и доказали более чем наглядно.

Ирка попыталась освободиться, но держали ее крепко. Можно было, конечно, сделать что-нибудь в меру кардинальное, например, сломать нападавшему мизинец или ударить его каблуком по подъему ноги, однако с этим Ирка пока не спешила. В конце концов, вреда ей пока не причиняли. Даже больно не делали. Кроме того, Ирка сообразила, что, напади на нее темный страж, ее голова давно бы уже прыгала по ступенькам. Церемониться бы с ней точно не стали.

– Считаю до трех и начинаю злиться! – предупредила она.

Сзади кто-то хмыкнул, явно не слишком уstraшенный.

– Если с моим кикимором что-то случилось, бери фломастер и рисуй себе черную рамочку! – продолжала Ирка.

За ее спиной послышался смех, и очень знакомый голос сказал:

– Я вот тут прикинул. Большинство поездов из Москвы в Питер и из Питера в Москву выходят поздно вечером и идут одну ночь. Билет в плацкарте стоит гораздо дешевле гостиницы. Интересно, кто-нибудь из иногородних туристов додумался днем бродить по Питеру, а ночью ехать в Москву? Следующий день бродить по Москве – и ночью снова в Питер? Интересный такой эмоциональный бутерброд. Довольно вкусно может получиться, если продумать все детали.

– Матвей! – радостно воскликнула Ирка.

Руки отпустили ее, и, действительно, она увидела Багрова. На нем была яркая альпинистская куртка с большим количеством «молний». Длинная челка спускалась ниже бровей.

– А я тебя чуть не убила!

Багров улыбнулся.

– Я так и понял. Знаешь анекдот? «Я б ему шею сломала, повезло, что не сунулся!» – заявила черепаха, провожая взглядом жирафа».

Немного обиженная, Ирка наклонилась, поднимая упавший рюкзак.

– Откуда ты здесь взялся? – спросила она.

– Мог бы сказать «от верблюда», да не хочется клеветать на бедное животное.

– Перестань хохмить! Я серьезно.

– Я тоже. Адрес и ключи дала мне Фулона, ну а с поездом я решил не связываться. Мне и билет бы не продали. Я паспорт свой опять потерял.

– Что, еще один? Это какой, пятый? – не поверила Ирка.

– Если не шестой, – самодовольно признал Матвей.

К гражданским бумагам он относился с величайшим равнодушием. Паспорт, которым на всякий случай снабдила его Фулона, он называл «инструкцией на мой труп», а чистые его страницы со всевозможным семейным положением использовал как записную книжку. Ирка его в целом понимала. Никто из тех, кто хотя бы слегка, хотя бы краем души постиг вечность, никогда не сможет важно дуть щеки при виде любой бумажки с гербовой печатью. Да и что такое бумажка, когда само наше тело при всем его мудром устройстве всего лишь треть ванны воды и еще примерно полведра всякой прочей таблицы Димы Менделеева?

Когда Багров терял очередной паспорт, Ирка, втайне побаивающаяся Фулону, отправлялась к Гелате и через нее уже добывала новый документ. Гелата относилась к Матвею благосклонно, хотя и дразнила его за глаза: «Некромаг-с-пропиской-в-лодочном-сараяе». В сараяе – это потому, что адрес лодочной станции был записан у него внутри штампа с пропиской.

– Значит, ты здесь уже давно? – спросила Ирка у Багрова.

– Часов шесть точно. Время оглядеться и познакомиться с соседями у меня было, – таинственно заверил ее Матвей.

Ирка понадеялась, что соседи хотя бы живы.

– А где Антигон? Куда ты его дел? – спросила она.

Багров уклонился от прямого ответа.

– Ну и шума же от вас было! Вначале пыхтели у дверей, как стадо паровозов, затем вошли навьюченные, наступая друг другу на пятки. И это в незнакомом месте! Нет чтобы растянуться, оглядеться, просканировать магию! – сказал он с укором.

Распределительный щит, установленный внизу, дрогнул, будто кто-то пнул его изнутри. Свет в подъезде мигнул, погас и снова зажегся. Дверца распахнулась, и выглянул Антигон. Потемневшие бакенбарды стояли торчком. От одежды пахло проводкой. Зато в глазах плескало буйное счастье.

– Вообразите, хозяйка, меня током шибануло! Вы поднимайтесь, а я тут пока ремонтник сделаю! – крикнул кикимор в восторге и, отплюнув кусок оплавленного провода, вновь полез в распределительный ящик.

Щит задергался и задымил. Свет в подъезде погас окончательно.

– И догадался же я, шляпа, его туда сунуть! Хуже, чем запереть наркомана на аптечном складе! – сказал Багров виновато.

Лестничные пролеты были длинные. Поднимаясь по ступенькам, Ирка пыталась сообразить, зачем Фулоне потребовалось отправлять к ней в Питер помощника. Это, конечно, здорово, но все же интересно, почему...

– Я думаю, она поняла, что никто не способен наблюдать за площадкой круглосуточно. Надо же иногда делать вид, что спишь, – вслух предположил Матвей.

Ирка остановилась и, повернув к нему лицо, взяла его за локоть.

– Еще раз влезешь ко мне в мысли – умчишься вниз считать ступеньки! – предупредила она.

На третьем этаже Багров остановился и шагнул к тяжелой двустворчатой двери. Ирка потянулась за своим ключом, но вспомнила, что у Матвея ключ тоже имеется.

– Хочешь открыть дверь? На, попробуй! – коварно предложил Багров.

Ирка повернула ключ четыре раза. Ключ слушался охотно, даже слишком, однако на общем результате это никак не сказывалось. Дверь оставалась закрытой.

– Не получилось? То-то же! Я тоже долго мучился. Оказалось, есть секрет. Когда провернешь ключ до половины, вот так, до диагонали, дверь надо пнуть. Не сильно, а нежно и

прицельно. Примерно сюда... Только не переусердствуй! А то предохранитель защелкнется, и с этой стороны вообще не откроешь.

– А если пнешь слабо? – поинтересовалась Ирка, отводя ногу, чтобы испытать полученный совет на практике.

– Тогда дверь не ощутит серьезность твоих намерений попасть внутрь квартиры...

Ирка сделала короткое движение ногой.

– Ай!

Язычок замка щелкнул.

– Молодец! У тебя определенно талант! Только в другой раз пинай не пальцами! На ноге столько замечательных мест! Зачем же выбирать самое неудачное? – снисходительно одобрил Багров.

Ирке вновь захотелось его убить. Со своей опекой Багров порой становился невыносимым. Не потому ли с ним Ирке бывало иногда так же тяжело, как и без него?

Ирка дважды безуспешно врезалась плечом в дверь («Все же лучше на себя!») – не удержался от совета Матвей) и оказалась в длинном широком коридоре. Направо шли двери, за которыми угадывались узкие комнаты-пеналы. Всего комнат было три. Крайняя совсем откушенная. У Ирки возникло стойкое ощущение, что там им и предстоит жить.

Коридор выводил в помещение с занавеской. За занавеской обнаружилась кривоногая ванна, а само помещение, в котором поселилась ее кривоногость ванна, – кухней.

– Это как так? Почему? – спросила Ирка озадаченно.

Она попыталась, но так и не сумела представить, как какая-нибудь бабулька сможет сидеть в ванне, когда тут же, в метре от нее, через занавесочку, гоняют чай два коммунальных соседа.

Матвей охотно пояснил, что они в доходном доме 1911 года постройки. Доходный – это значит под сдачу. Учитывая, что Васильевский остров считался тогда дремучей окраиной, дом, мягко скажем, строился не для богатых. Ванная в нем была не предусмотрена. Водопровод с канализацией тоже. Когда, лет через сорок уже, стали устраивать кухню и ванную, не придумали ничего лучше, чем занять под это крайнюю комнату.

Вдоль левой стороны коридора тянулся длинный стол-верстак с полками, на которых помещались многочисленные части горных велосипедов. Судя по числу рам, велосипедов было не меньше трех. На стене висели доски для виндсерфинга, серфинга и кайта, а все пространство под ними занимали постеры с профессиональными серфингистками. Серфингистки были девушки как на подбор видные, но, на придиричивый взгляд Ирки, с короткими ногами.

– Никакой мистики! Чем центр тяжести ниже, тем больше устойчивость, – пояснил Матвей, предупредительно разорвав дистанцию, чтобы не поплатиться за очередное подзеркаливание. – Соседей тут двое, – продолжал он. – Один, Игорь, парень-студент. Это его доски и велосипеды... А вот со второй соседкой я познакомился ближе, чем хотелось бы. Активная такая дама. В квартиру меня пускать не хотела. Я дверь открываю, а она ключ мой с другой стороны своим ключом вытаскивает.

– Ты ей ничего не сделал? – с беспокойством спросила Ирка.

– Да не, ничего. Только посадил в тот же ящик, что и Антигона... Шучу! Поладили потом. Ты ее увидишь. Зовут Инга Михайловна. Она такая подтянутая вся, правильная. На кухне у нее пять ведер, в которые она собирает мусор разных сортов. Пластиковые банки отдельно, жестянки отдельно, бумагу отдельно.

– Разве это плохо? По-моему, правильно. Просто Европа, – одобрила Ирка, сроду не имевшая помойного ведра, но по бытовой лени заталкивавшая мусор внутрь пустых молочных пакетов.

– Хорошо-то хорошо, – согласился Багров. – Но если что-то случайно опрокинешь, она орать начинает. Она из тех экологов, у которых на лбу написано: «Растерзаю за раздавленного

таракана». По мне так в первую очередь человек должен любить людей. А мусор и антарктических пингвинов только от крайних излишков любви, которых обычно не бывает.

– Странно. Вроде хорошо, а на самом деле плохо, – сказала Ирка, представляя себе Ингу Михайловну как маленькую и кругленькую женщину с поджатыми губами.

– Я не говорю, что плохо. Но есть настоящая любовь к людям, которая уже потом переливается и на все другие живые существа, а есть любовь замещающая, пустая и фальшивая. Это когда человек любит исключительно кошек, собак, попугайчиков, бенгальских тигров или дельфинов. Любит до безумия, до повизгиваний, ненавидя все остальное и замещая любовь к человеку любовью к кошке или птичке. Такой человек легко произносит что-нибудь в духе: «Только моя собака меня понимает» или «Всех людей в мире не променяю на одного волнистого попугайчика!» – серьезно сказал Багров.

Ирке надоело стоять в коридоре с рюкзаком, и она толкнула дверь в комнату. Комната оказалась лучше и просторнее, чем можно было ожидать снаружи. Не исключено, что кто-то из валькирий, скорее всего любившая уют Гелата, тайком от Фулоны немного похимичил здесь с пятым измерением. Поперек комнату удачно разгораживали книжные полки, так что получились две вполне независимые и автономные жилые зоны.

– Чур, я у окна! – заявила Ирка.

– А я? – грустно спросил Багров.

– А ты будешь сторожить дверь, чтобы меня не украли, а украли тебя!

Ирка бросила на кровать сумку с ноутбуком, скинула рюкзак и отправилась умываться. После поезда у нее было острое ощущение собственной нестерильности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.